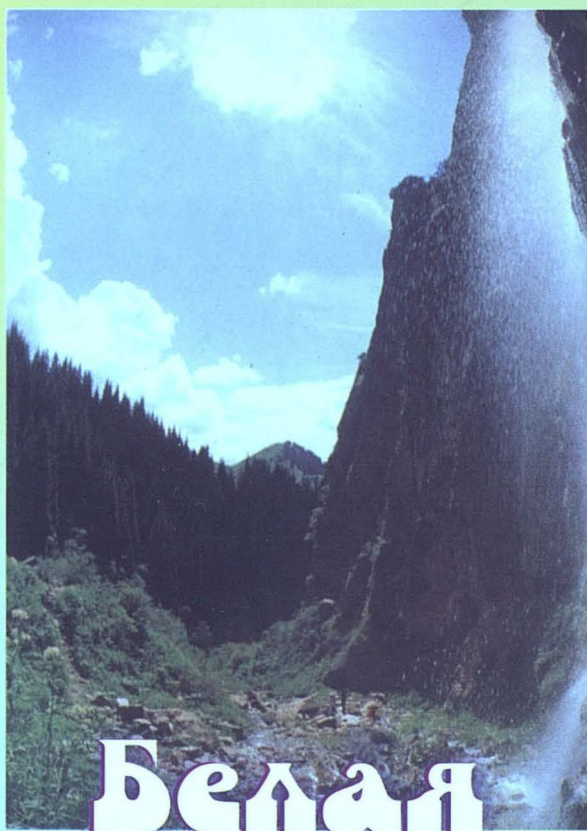


Т. БАЙКУЛОВ



Белая

Воро́на

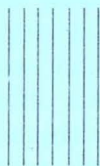
BRITISH MUSEUM

BRITISH MUSEUM



Т.С. БАЙКУЛОВ

БЕЛАЯ ВОРОНА



«*Пил* Алматы
2007 *Кулян*»

-

ББК 84 7-5

П 84

П 84 Байкулов Т.С.
Белая ворона – Алматы: “Үш Қиян”, 2007. - 88 стр

ISBN 9965-738-02-5

ББК 84 7-5

П $\frac{4702250202}{00(05)-06}$

ISBN 9965-738-02-5

© Байкулова Т.С., 2007

*Эту книгу посвящаю
внучкам Динаре, Аружан
и внуку Магилан.*

ВЕК ЖИВИ – ВЕК УЧИТЬСЯ...

Если своего школьного друга буду называть “писателем – самоучкой”, я вполне уверен, что он не обидется. Его главная тема – учителя и школа. Эта тема требует творческого подхода к каждому психологическому моменту учительского труда. Писать он начал на рубеже двух веков XX и XXI, в преклонном возрасте, но нельзя сказать, что он в юношеские годы не увлекался художественной литературой. Я помню, он много читал, и по школьному сочинению у него были хорошие оценки.

Как педагог сложился окончательно, более 30-ти лет руководит школой. По методике обучения и воспитания детей написал книги, статьи для учителей и родителей, которые распространены по всей Республике. Однако, его литературное творчество широкого размаха не достигло, хотя он часто выступает с новаторскими идеями на Республиканских научно-практических конференциях, семинарах. Его доклады напечатаны в “Сборнике новаторских идей Республиканского института повышения квалификации и переподготовки кадров”, проблемные статьи, публицистические заметки были опубликованы в периодической печати.

В школьные годы он любил перечитывать рассказы М.Ауэзова “Серый лютый” и М.Шолохова “Судьба человека”. Может быть, эти произведения великих писателей побудили его написать рассказ о необыкновенном человеке, Виталии Евгеньевиче

Пруссакове которого при жизни, шутя, называли “Белой вороной”.

Когда автор собирался написать очерк о нем в газете “Шуская долина”, и согласился на разговор на эту тему, то я спросил у него:

— Почему именно об этом человеке решил написать?

Он ответил:

— Во-первых, этот учитель-пенсионер стремился к прекрасному: писал стихи, заметки и статьи. Во-вторых, в рассказе “Серый лютый” — отражена судьба мальчика, в рассказе “Судьба человека” — судьба солдата, а в очерке “Белая ворона” он описывает судьбу сельского учителя. Все герои этих произведений положи друг на друга по мотивам повествования. Если в своем очерке мне хотя бы в малой доле удалось передать читателям характер человека, то я буду считать, что выполнил свой долг перед героем данного рассказа...

Автору рассказа “Белая ворона” пришлось долго собирать опубликованные статьи, стихотворения и поэму В.Е. Пруссакова из газетного архива с 1989 года

*Умбетаев Мубарак — преподаватель
Казахского университета им. Аль-Фараби,
кандидат филологических наук, доцент*

І ЧАСТЬ

БЕЛАЯ ВОРОНА

РАССКАЗ



БЕЛАЯ ВОРОНА

*Мы должны смело, решительно
говорить вслух обо всех
негативных явлениях жизни.
Лучше самим сказать о себе
всю правду*

Ч.Айтматов

Переход от социалистической экономики к рыночной экономике был очень сложный для всего общества. Психология “советских людей” не соответствовала перемене экономики, в то же время от верха до низу не знали рычагов механизма нового хозяйствования и в образовательных учреждениях не было четкой линии обучения и воспитания детей. Время новое, программа устаревшая, учебники советские — в таких условиях в течение пяти-шести лет учителя растерялись, но потом время показало, что они с честью выходили из этого идеологического кризиса.

В мероприятиях так называемой “оптимизации” были допущены многочисленные ошибки, особенно в образовании. В то время мало кто понимал и не хотел понять ошибочность этой политики, потому что люди десятки лет были воспитаны рабской психологией по принципу: партия что скажет, то и будет. Страх перед всемогущей партией — это нормальная реакция каждого человека. Миллионы людей, скованные страхом, позволяют творить над собою зло. Любому страху можно противопоставить достоинство и честь человека. А если их нет, то и человек будет бояться всего.

Тогда многие боялись господства партийно-тоталитарного режима, потому что, люди жили под страхом всемогущей империи. Страх задушил честь и достоинство людей в тюремном заключении. А сейчас? Не боимся, потому что мы граждане демократической и независимой страны, нет диктаторского режима, свободные люди. В критическое десятилетие народ все силы без остатка отдал борьбе за существование, но умнеть было просто некогда, потому что, мягко говоря, народ к рынку адаптировался очень медленно. Кто только об этом сегодня не говорит: и политики, и бизнесмены, и учителя, и простые люди. Было время, когда учителя не получали зарплату 7-8 месяцев, но никто не уронил честь имени учителя, те и остались до конца в школе. Многие уходили из школы, и те, которые возвращались после нормализации обстановки в образовательных учреждениях, стали понимать необходимость образования во всех сферах нашего общества.

В настоящее время народ духовно растет, и его материальные возможности улучшаются. Малый и средний бизнес в темпе развивается и всесильно поддерживает социально-экономическое положение страны. И так молодое государство день ото дня укрепляет свой авторитет на мировой арене: в экономике и политике. Это бесспорно.

Будучи специалистом районного отдела образования, весной 1998 года я узнал, что меня направляют директором школы в поселок Берлик, расположенном на правом берегу реки Шу, который является одним из красивейших уголков Шуского региона. Территория региона расположена в оазисе Шу-Мойынкум вдоль реки Шу, на пересечении двух очень важных железнодорожных магистралей: Шу-Караганда-Петропавловск, связывающий север и юг республики, а также Южно-Сибирская, соединяющая Урал с Казахстаном и Западной Сибирью. Природные условия

оазиса, по сравнению с любой другой частью республики, отличаются большим разнообразием и имеют много общего с природой Средней Азии. Климат региона резко-континентальный, холодная зима с влажным воздухом, а в летнее время долго стоит невыносимая жара и ночью прохладно. Весной и осенью не часто дуют сильные холодные ветры.

В начале марта весна была теплой и солнечной, но в отличии от тех лет, ежедневно, во второй половине дня, дули пронизывающие ветры. Шускую долину, которую славит дикорастущая конопля, знает весь мир. К тому же через Шу проходят наркотропы из Киргизстана, Узбекистана, Таджикистана и Юго-Восточной Азии, откуда возят наркотики опиумной группы. Поэтому проблема наркомании и наркобизнеса является одной из наиболее острых в Шуском регионе. Школа, куда меня направили, расположена недалеко от этой наркотрассы, и центральные улицы поселка прилегают к дороге республиканского значения.

Когда начальник районного управления образования Кулжахан Карибайкызы привела меня в эту школу, передо мной стояла такая картина: котельная была полностью разрушена, в классных помещениях установлены железные печи домашнего типа, низкокачественный уголь не горел, вся школа пахла угаром дыма. К тому же протекала крыша, было очень холодно, а дети на уроках сидели в верхней одежде.

Чувствовалась нехватка педагогических кадров, потом выяснилось, что многие учителя выехали на историческую Родину, в Германию. Одним словом, здесь тоже были видны следы "оптимизации". В этих условиях, где накопилось много проблем, трудно было организовать учебно-воспитательный процесс школы. Обстановка микроклимата школы требовала опытного руководителя, но педагогический коллектив не хотел, чтобы директора назначали со стороны. Психологический климат очень обострился, учителя

разделились на группы, каждая из которых всякими правдами и неправдами выдвигала свою кандидатуру из числа учителей школы. Посоветовавшись с членами Коллегии, Районное управление образования утвердило мою кандидатуру. Тем самым мне оказано большое доверие, но я внутренне беспокоился, хотя имел немалый опыт в руководстве школы.

Первые шаги рыночной экономики влияли на систему образования в материальном отношении отрицательно. В школах, где директора не справлялись с работой, нужны были руководители с трудовой закалкой. В молодом государстве школа без финансовой поддержки — страшно подумать, в моих мыслях можно опираться только на спонсорскую помощь родителей.

После моего назначения директором средней школы имени Ш.Уалиханова (ныне сш. им. М.Х.Дулати) в поселке Берлик ко мне пришел человек маленького роста. Он был с живым взглядом и ясным умом. Я даже и не представлял, что этому человеку 85 лет.

“Если не возражаете, то уделите мне 30 минут, я как бывший учитель хочу дать Вам совет”, - сказал он с порога кабинета. Я удивленно, кивая головой, согласился. Он начал рассказывать: “Мы строим правовое государство, и поэтому, прежде всего, воспитание должно быть на высшем уровне. В разных школах условия работы различные, но программа обучения физической культуре одинаковая. Например, брусья массивные предназначены для спортсменов высокого класса. В школе ученики должны делать простые упражнения на спортивных снарядах. На всех этапах урока необходимо ученикам давать нагрузку, чтобы они работали активно...”

Я прервал его:

— Об этом нас учили в институте и сейчас учат.

Он нахмурился и предложил по-деловому: “Я не вмешиваюсь в ваши дела, а советую. Каждому свое. Каждый должен заниматься тем, что приносит обществу

пользу. Тренер, получивший в Москве высшее образование, так и остался в Москве, и как высококвалифицированный специалист работает в школе олимпийского резерва. Моя участь работа учителя физической культуры в сельской школе. Исходя из требований учебной программы, моя задача укрепление здоровья учащихся, чем я по мере сил и возможностей занимался. Но в программе ни слова об укреплении моральных норм. Укрепление мышечной ткани — это одно, а как укрепить волю, за счет чего добиваться поставленной цели. Вот этот пробел я и старался восполнить. Прежде всего, нужно было закрепить свой авторитет учителя в глазах не только учеников, но и их родителей. С чего начинать? Чтобы всегда сказанному слову в равной степени отвечал личный поступок учителя...”

Такое было первое знакомство с Виталием Евгеньевичем Пруссаковым, бывшим учителем физической культуры этой школы. Потом он начал неторопливо рассказывать о себе. Вначале мне не хотелось слушать биографию учителя-пенсионера. Но, прежде всего, в этом человеке я заметил эрудированного, образованного интеллигента. Круг его интересов настолько широк, что далеко выходит за пределы его бывшей учительской деятельности. Все полагают, что достаточно иметь высшее образование, чтобы стать интеллигентом. В настоящее время полно людей с высшим образованием, есть гениальные творцы, есть люди искусства, от творения которых замирает в восхищении весь мир! Прежде всего, интеллигентность — это чисто нравственная категория. Виталий Евгеньевич с малых лет любил живую природу, поэзию и мир поэзии для него был великим и многоликим. Поэтому в этом жанре он всю жизнь мечтал показать тонкие, нежные и самые искренние чувства человека современного мира, хотя, критиковал

в своих заметках отдельные несправедливости, которые возникают в нашем обществе.

Людям было трудно, очень трудно в наш грозный XX век, но они выдержали все...

В.Е.Пруссаков испытал это сполна. В этом испытании суровая биография человека, народа и времени, как я понял, через сердце этого человека прошли электрические токи великих и трагических событий истории, но в нем пробудили чувства достоинства, устремление к добру, переживая невыносимое, он остался воистину человеческим

Быть человеком – всегда трудно. Виталий Евгеньевич в нашей долгой беседе показал себя воспитанным человеком. Он никогда не перебивает собеседника и не делает ему замечания, умеет не только убеждать, но и слушать. Никогда не менял своих убеждений и не показывал своего умственного превосходства. Он может сказать “Нет”, когда большинство говорят “Да”. Тем не менее, в жизни он был скромным человеком.

В долголетней жизни боролся за справедливость, одновременно работая учителем в школе, писал стихи, очерки и статьи на различные темы в районных и областных газетах. Творчество сельского учителя – это отдельная тема. В.Е.Пруссаков писал заметки, стихи, статьи о политическом строе государства и социально экономическом положении народа, из своего опыта в своем понимании. Это не означает, что он занимался теоретическим исследованием. В своих размышлениях он показывает роль учителя в своем мире. Перед читателями все время ставит проблемы, касающиеся не только воспитания детей, но и воспитания общества. Многие статьи, стихи, заметки будут спорными, но каждый человек, прочитав эти статьи, стихи задумается. Кредо сельского учителя – это стремление к прекрасному и справедливости. Он остроумно и выразительно писал о пренебрежении закона в многочисленных сферах нашего быта. Мы никогда не

были избалованы торжеством законности. Наверняка, каждый из нас сталкивается с такими лицами, которые плевать хотели на ваши интересы и статьи закона.

Не каждому дано быть талантливым поэтом, писателем и учителем. Но, тем не менее, он сочинял стихотворения, писал глубоко социальные заметки и актуальные публикации о рыночной экономике в государстве. Он был не только учителем физического воспитания, но и в жанре поэзии показывал нежные и самые искренние чувства человека. Тонкий психолог, особенно среди учителей, которые не всегда знают о себе. В ходе рассказа я начинаю понимать, что биография этого человека — это пройденный путь нашего общества.

Пруссаков Виталий Евгеньевич родился в 1912 году в городе Вильно, Виленской губернии Российского Государства в семье провинциального актера. Осенью 1905 года, когда началась всеобщая политическая стачка в России, его отец учился в Томском технологическом институте. Массовая демонстрация рабочих Москвы на Пресне, постепенно переросла во Всероссийскую политическую стачку. Пресня — промышленный район Москвы, называвшийся по одноименному притоку реки Москва. Пресня сыграла большую роль в первой русской революции 1905-1907 гг. и после победы в Октябрьской революции была переименована в 1918 году в Красную Пресню.

В декабре 1905 года началось вооруженное восстание рабочих на Пресне, которое активно поддерживали мелкие служащие, врачи, инженеры, педагоги, журналисты, актеры и студенты во многих городах России. Пресня была главной крепостью, центром вооруженного восстания 1905 года в Москве.

Отец Евгений Андреевич Пруссаков, будучи студентом Томского технологического института, в 1905 году в связи с революционным восстанием на Красной Пресне, с группой студентов-единомышленников,

участвовал в демонстрации, публично осуждающей монархический режим царской России. Как участник демонстрации Е.А.Пруссаков был исключен из института с "Волчьим билетом", т.е. потерял право на то, чтобы окончить институт и получить диплом в других высших учебных заведениях.

Евгений Андреевич решил посвятить себя сцене. Дело в том, что у провинциальных актеров не требовали справку о политической благонадежности, так как у большинства актеров не было даже гимназического аттестата, а тут молодой человек, привлекательной внешности с незаконченным высшим образованием. Такой находке режиссер труппы был несказанно рад. Тут же был заключен контракт. За девять лет сценической деятельности, он выступал во всех провинциальных городах России.

И вот началась Первая мировая война. Русское правительство призывало солдат воевать "за веру, царя и отечество". Буржуазия и помещики выступили с лозунгами: "война до победного конца!", "Священное единение царя с народом!"

Он политикой не занимался, но горячо любил свою Родину, гордился великим русским народом, который показал яркие образцы героизма, мужества и стойкости в борьбе за независимость Родины. Закончив краткосрочные курсы по подготовке офицерского состава, он попадает в действующую армию, через год награждается Георгиевским крестом, а в начале 1916 года в бою под Двинском умер от смертельного ранения. Бабушка Виталия Евгеньевича с извещением о гибели сына, получила его Георгиевский крест. Итак, наш собеседник Виталий Евгеньевич в возрасте 3-х лет лишился отца. По рассказам бабушки, его мать, свободно владевшая английским языком, поступила переводчицей в одну английскую фирму, филиал которой находился в Петрограде. По делам фирмы ей

иногда приходилось выезжать в Англию. Последний раз она выехала в командировку в начале лета 1917 года.

С началом революции и гражданской войны связи Советской России и капиталистической Англии были прерваны. Его бабушка перестала получать письма от матери Виталия Евгеньевича, а потом следы ее были утеряны навсегда. Лишившись и матери, он стал круглой сиротой. Бабушка отдала его на воспитание своей дочери, которая была замужем за В.Э.Шенберг, работавшего на железной дороге в должности инженера связи.

Семья В.Э.Шенберг жила в Брянске. В семье было трое детей, четвертым был он. Когда ему исполнилось 14 лет, как сироту решили определить в детскую трудовую колонию. Его отец погиб до деления общества на "красных" и "белых", однако и после окончания гражданской войны, отношение к бывшим "золотопогонникам" было отрицательным.

В семье решили, что в эпоху "Диктатуры пролетариата" ему как сироте и как воспитаннику детской трудовой колонии, будет легче найти свое место в жизни. Детская колония располагалась в бывшем мужском монастыре, в пяти верстах от разъезда "Белобережская пустынь". Надо отдать должное святым отцам — монахам. Достойное место выбрали для святой обители. Идешь, справа и слева, почетный караул таких высоченных корабельных сосен, что хочется верить, что в детстве встречались с корабельным плотником Великим Петром. Как с ветки на ветку прыгают расторопные белки, запах хвои распирает грудь. Ему 14 лет и вся жизнь впереди, но какая? Кто знает? А вот и древний белокаменный монастырь, окруженный рощей столетних дубов, его временное пристанище. Как его примет? Приласкает ли? В колонии воспитывались на полном государственном обеспечении, девочки и мальчики от 8 до 16 лет. Кроме общеобразовательных предметов, мальчиков обучали столярному и слесарному

ремеслу, девочек премудростям кройки и шитья. В выходные дни колонисты надевали форму: мальчики гимнастерки, кожаные ремни с портупьями, у мальчиков на выпуск брюки, у девочек короткие юбки, так как эпоха женских брюк, заполнившая весь мир, еще не наступила. Это в выходные, а в остальные дни, обычная спецовка, так как на плечи обычных воспитанников, ложилась забота обо всем, довольно большом подсобном хозяйстве.

Однажды когда ему исполнилось 15 лет, вызывает в кабинет начальник колонии и говорит:

— Наблюдаю я за тобой, толковый, ты, вроде парнишка, интересовался твоими опекунами, нормальная интеллигентная семья, никаких буржуазных замашек. Хочу Витя, доверить тебе важное дело. Вот тебе письмо. Утром пригородным поездом выезжай в Брянск, зайдешь в ГУБОНО, отдашь письмо заведующему, а что делать дальше он тебе расскажет.

Он приехал в Брянск, везде сокращенные вывески. Вместе с революцией, в жизнь вошла эпоха, таких удивительных словосочетаний и сокращений, что в них запутался бы сам академик. Идет и читает, лаконично, непонятно.

Спрашивает у прохожего:

— Дяденька, объясните, пожалуйста, что значит “ЕПО”.

А он:

— Чай не маленький, соображать надо. “ЕПО” оно и есть “ЕПО”.

Хочет сообразить, но не может. Идет дальше, и вновь такое же лаконичное и не менее загадочное “РИК” и ни одной точки. Возможно, “Российско-Итальянский клуб”. Вряд ли? Обращается к пожилому, дореволюционной внешности, мужчине:

— Объясните, пожалуйста, значение слова “РИК”?

— Молодой человек, чему Вас учат в советской школе. Во-первых, это не слово, сокращенное слияние

трех букв, что касается отсутствия точек, так это издержки образования. Им точки не нужны. Им нужен Новый мир. Что касается "РИК" — это районный исполнительный комитет — сосредоточение новой власти, тьфу не к ночи будет сказано, честь имею — приподняв шляпу, сказал пожилой мужчина.

Так впервые в жизни, Витя лоб в лоб столкнулся с представителем умирающего, старого мира, через много лет, на закате жизни встретится с ним вновь.

Виталий Евгеньевич прожил долгую жизнь, и его биография — это биография страны, ее история плоха она или хороша, но она наша и от этого никуда не уйти. А что касается его шараханий тех далеких лет, то это результат старческой линии Пролетарского гимна:

"Мы наш, мы новый мир построим!"

Долго строили, в мучительных потугах, а к чему пришли? В народе говорят: "Лес рубят, щепки летят". Если бы только щепки. Сколько наломано дров. "ГУБОНО" — это сочетание, дань тому времени "Губернский отдел народного образования".

Заходит в кабинет заведующего ГУБОНО, здороваётся. За столом среднего возраста и такой же толстый человек. Распухшая белая щека повязана белым платком, концы которого, вставив в голову как заячьи уши. Увидев такую внешность человека, подросток старается сдержать улыбку и передает ему письмо. Заведующий бегло считает, встает, подходит к карте и неожиданно говорит:

— А, ну, покажи где Евпатория?

Он быстро находит Крымский полуостров и упирается концом карандаша в маленький кружок:

— Вот.

— Молодец — сказал заведующий — так в этой Евпатории есть детско-туберкулезный санаторий и доверяем мы тебе государственное задание. Дадим двух восьмилетних огольцов-беспризорников, и повезешь их

в эту самую Евпаторию. Получи у бухгалтера деньги на питание и на билеты туда и обратно.

Вручает ему запечатанное письмо и бумажку с машинописным текстом: “Мандат: Предъявитель сего, воспитанник детской трудовой колонии имени Ушинского, Пруссаков Виталий является сопровождающим двух детей для передачи последних в детский костнотуберкулезный санаторий г. Евпатория. Просим должностных лиц в случае необходимости оказать сопровождающему всемерное содействие.

Брянский ГУБОНО”.

Перед уходом заведующий спросил:

— Куришь?

— Нет.

— Молодец, но все равно, купи в дорогу пачку дешевых папирос, и через каждые три часа давай огольцам по папиросе, чтобы не канючили у пассажиров окурки.

— Как тебя звать?

— Витя

— Счастливого тебе пути — сказал много испытавший человек с доброй улыбкой из-под “заячьих ушей”.

На следующий день Витя получает в колонии своих подопечных, одетых в новую, подогнанную по росту форму, расписывается в их получении. Вечером все трое сели в зеленый вагон третьего класса почтового поезда. Мальчики, вальяжно развалились на нижней полке, курят, виртуозно пуская изо рта одно за другим кольца табачного дыма, вызывая неподдельное восхищение окружающих. Сидящую рядом старушку распирает непреодолимое любопытство:

- Хлопчик! Ты им кто, братик, чи шо?

- Воспитатель — бурчит Витя в ответ.

- Бачиш Ганно, хлопчик, а еже воспитатель. Шо, значит грамота — делает вывод женщина пожилого возраста.

Почтовый поезд пришел в Евпаторию вечером. На

привокзальной площади стояли несколько извозчиков. Мальчики, разинув рты, с восхищением смотрели на одну пролетку, сверкающую черным лаком. С ярко красными спицами колес, с белыми, дутыми шинами. У облучка возницы с зеркальными стеклами, фонари. На спине лошади сетка с кистями. И вороная масть лошади и красоты пролетки были неотразимы. И последним штрихом композиции явилась белая панاما, венчавшая голову вороной красавицы.

“Воспитатель” сразу определил: такой экипаж только для состоятельных людей. Взглянул он на восхищенные лица пацанов, и подумал: “была — не была, хоть раз в своей коротенькой жизни, поедут не на запятках” и скомандовал: “Садись, живо!”. Ребята расселись на мягких сиденьях с непринужденностью потомственных лордов, но с разницей, что лорды, как правило, курят сигары, а колонисты, развалясь, чадили в небо дымом самых дешевых папирос “Ойра”, что мог предложить НЭП. Возница с недоверием смотрит на “воспитателя”:

- А гроши мае?

Через 15 минут они были у санатория, где в двух шагах были волны Черного моря. Подходят к воротам. Они их воспринимают как неизбежную архитектурную деталь. Вологодские искусницы создавали кружева такого ажюра, тончайшего, неповторимого рисунка. Все это мальчики увидели здесь, но не было одного — нити. Был чугун, возведенный талантом, вдохновением и мастерством известных всему миру каслинских умельцев, до степени высочайшего искусства.

Витя дергает ручку звонка. В глубине сада звон колокольчика. Багряный диск солнца медленно погружается в море. Подходит человек маленького роста: “Кто, откуда, зачем?”. Удовлетворенный ответом, он открывает калитку красивого двухэтажного особняка. Через несколько минут, в вестибюль входит пожилой мужчина в белоснежном халате, в сопровождении двух женщин. “Не иначе, главный врач” - безошибочно

определяет “воспитатель” и здороваётся, передает ему письмо и мандат. Доктор внимательно читает письмо, а потом, поверх золотой оправы очков еще более внимательно рассматривает колонистов. Затем, повернувшись к женщинам, негромко сказал:

- Совсем, ведь мальчишка и такое доверие.

Витя, как воздушный шар, готовый взлететь, до краев наполняется гордостью. Доктор, посмотрев на его мандат, покачал головой и передал его женщинам, через минуту, все трое заразительно смеются. Потом он повернулся к нему и сказал:

- Сумеешь пронести доверие через всю жизнь и оправдать его — значит ты человек!

И как равному, протянул ему руку:

- Счастливого тебе пути — и улыбнувшись, добавил — сопровождающий.

Через два дня Витя пришел в ГУБОНО и передал заведующему ответ главного врача. Он тоже был очень довольным:

- Ну, молодец! Раз тебе доверяют, цени доверие и оправдывай. И пожал ему руку, из-под “заячьих ушей” был виден грустный взгляд переживающего человека.

Приехав в колонию, он сразу зашел в кабинет начальника и доложил о благополучном завершении командировки.

- Я иного и не ожидал — спокойно ответил начальник — А вообще-то, молодец! Даю тебе два дня отдыха. Поезжай в Брянск, повидайся с опекунами, расскажи, как съездил к Черному морю. Ну, иди, отдыхай!

Он вышел из кабинета, но вместо радости и удовлетворения от добросовестного выполнения поручения, почувствовал прилив необъяснимой грусти. И вдруг, как вспышка молнии — мысль у него. Да, ведь что с ним прощается детство.

Когда Вите исполнилось 16 лет, его с группой таких же шестнадцатилетних колонистов отправили на Брянский паровозостроительный завод. Общежитие, в

котором их разместили, называли молодежной коммуной. Так свою трудовую деятельность он начал в кузнечно-прессовом цехе подручным прессовщика. Через год Витя самостоятельно работал прессовщиком, и его зарплата значительно возросла. Виталий Евгеньевич всю жизнь не курил и не касался спиртного. Он так быстро скопил необходимую сумму, чтобы выехать в Сталинград к двоюродному брату Александру Шенберг, который работал инженером по установке и испытанию паровых котлов. Приехав, временно остановился у него, но когда в семье появился ребенок, поселился в молодежном общежитии.

Было начало 1931 года. Однажды он прочитал в газете объявление о том, что производится набор комсомольцев-добровольцев, желающих приехать на стройки Дальнего Востока. Этот край показался ему непостижимо далеким и загадочным, как планета Марс, Арсеньев, Дерсу-Узала, уссурийские тигры — романтический мир в мыслях.

Эшелон добровольцев отправился в дальний путь 5 апреля 1931 года. Ехали в теплушках. В центре вагона чугунная “буржуйка”, по краям двурусные нары. Спали на матрасах, набитых соломой, вот, пожалуй, и весь комфорт. Приехали к месту назначения, в город Спасск 2 мая 1931 года и стали работать на строительстве крупного цементного завода. На стройке был открыт филиал рабфака Дальневосточного государственного университета. Виталий Евгеньевич без отрыва от работы закончил два курса рабфака, что соответствовало среднему образованию. В августе 1935 года он сдал экзамен и был зачислен студентом 1-го курса японского отделения факультета восточных языков Дальневосточного государственного университета.

Кое-как закончив учебный год, он прекратил учебу, ведь учиться мог только тот, кто получал материальную помощь от родителей. После учебы был призван в армию. Начал службу в городе Петропавловске-

Камчатском. Тут произошло событие, в корне изменившее его дальнейшую жизнь.

Однажды, будучи дежурным по казарме, он мыл полы. Пришел старшина, который отдал приказание срочно выполнить задание, какое не помнит. Рядовой Пруссаков ответил, что дежурный по казарме, уйти не имеет права, и тут же сделал старшине замечание.

- Входя, нужно вытирать ноги.

Старшина рассвирепел, осыпал его площадной бранью и закричал, что если он не выполнит приказание, его отдадут под суд. Но приказание, отданное в такой форме и оскорбляющее человеческое достоинство, он выполнить не мог.

Шло лето 1937 года. Отряд, где служил Пруссаков, был отрезан от Большой земли тысячами километров. В то время у них в части не было радио, газет, и рядовые бойцы не могли знать, что происходит в стране. А происходило страшное: по всему Союзу прокатилась волна политических репрессий, которая, прежде всего, обрушилась на командный состав всех родов войск. Когда он, казалось, совсем забыл о стычке со старшиной, вдруг за ним явился конвоир. Куда и зачем он ведет его — непонятно. На учебном плацу стоит стол и три стула. Недалеко большая группа командиров и рядовых этого отряда. Из двери столовой появляются три незнакомых пехотных командира. Садятся. По бокам стола сели майор и подполковник, в центре — полковник. Рядовой Пруссаков начинает догадываться, что эта тройка — военный трибунал, выполнивший функции обычных судов. Прокурор и адвокат отсутствуют. Пруссаков подходит к столу, ему задают ряд стандартных вопросов: “Имя, фамилия, есть ли родители и т.д.”. Диалог с полковником длился примерно 15 минут. Потом “тройка” недолго посовещалась... Встал полковник и прочитал: “Приговор сего дня 23 июля 1937 года, боец морского 60-го пограничного отряда Пруссаков Виталий

Евгеньевич осужден Военным трибуналом на основании статьи 193 пункт "Г" (невыполнение приказа командира) к лишению свободы срока на 5 лет с последующим отбыванием срока наказания в исправительно-трудовых лагерях".

И, как в сказке, он из защитника Родины тут же превращается в снабженца древесиной. В то время из Петропавловска-Камчатского попасть на Большую землю можно было только пароходом. Пришел пароход "Охотск", осужденных разместили в трюмах, и через 7 суток прибыл во Владивосток.

Из Владивостока группу осужденных, в том числе и его, направили в один из лагерных пунктов "Бир. Лес. Лага", где заключенные работали на лесоповале. Тяжелая работа, особенно зимой в 30-40 градусные морозы, при отсутствии какой бы то ни было техники, только топор и пила. Примерно до 20 лет Виталий Евгеньевич увлекался рисованием и достиг в нем довольно больших успехов. В последние несколько лет о рисовании пришлось забыть. Работа на заводе, тяжелый труд на стройке, учеба на рабфаке, прерванное студенчество — все вместе взятое не располагало к рисованию.

Шел 1938 год. Однажды в октябре он вдруг вспомнил о своем пристрастии к рисованию и подумал: "Неужели разучился?". Был выходной день. Он попросил у начальника культурно-воспитательной части (КВЧ) акварельные краски, цветные карандаши и лист ватмана. Продумал сюжет и начал работать над оформлением заголовка стенной газеты. Нет, ничего он не забыл, не растерял, заголовок газеты получился на загляденье. Хоть сейчас на вернисаж. Окрыленный успехом, Пруссаков решил написать стихи, нечто вроде хвалебной оды, посвященной Великому Октябрю, и тоже получилось добротнo. И размер, и рифма — все на месте. А главное, чувствовалось дыхание революции и ее величественный пафос. Возможно, это показалось

не только ему. Начальник искренне похвалил заголовок, а потом спросил:

- Кто научил тебя так хорошо писать стихи?

Он ответил:

- Стихам не учат, они рождаются в голове сами.

А потом вновь трудовые будни. Вместо кисти и палитры — топор и пила. Впрочем, всему свое время. Как-то в лес на делянку, где работала его бригада, пришел посыльный и отдал начальнику конвоя записку. Тот, прочитав записку, выделил конвоира и отвел Виталия Евгеньевича в зону. Начальник КВЧ лагпункта объяснил конвоиру, что через 2 часа от лагпункта уйдет груженный лесом состав поезда. Доедешь до станции Бир и доставишь его в контору управления и сдашь под расписку начальнику политотдела.

Приняв его от конвоира под расписку, начальник приказал конвоиру ждать дальнейших распоряжений. Привел Прусакова начальник в свой кабинет и говорит:

- Видел твою работу, есть талант и его шлифовать надо. Будешь в управлении работать художником оформителем по разделу наглядной агитации. Будешь добросовестно, достойно вести себя, возможно, остаток срока здесь и отбудешь. Сейчас конвоир отведет тебя в зону, пробудешь там два-три дня, а потом станешь ты зольнохожденцем.

Прусаков был на седьмом небе. Так все и произошло. Закончив досрочно срок заключения, был тут же зачислен в резервный минометный полк. Часто проводились длительные тренировочные походы с вооружением, он нес за плечами опорную плиту ротного миномета. После одного тяжелейшего марша у него возникло воспаление придатка. Когда в Биробиджане ему делали операцию, минометный полк двигался к линии фронта. В послеоперационный период он зачислен писарем в 176-й строительный батальон, который занимался сооружением на случай возможной японской агрессии.

Зимой 1944 года эта военная часть была отправлена на фронт. Не доехав до фронта, их остановили в Магнитогорске. Весь личный состав был передан гражданским властям, и стали они рабочими металлургического комбината. Виталий Евгеньевич работал в цехе паровозных подшипников и неплохо зарабатывал. Но вот закончилась война. Решил он повидать свет. Поехал в город Ташкент, а потом во Фрунзе и устроился помощником машиниста. Здесь познакомился с учительницей вечерней школы, через полгода оформили брак и поехали к ее родителям в районное село Подгорное Томской области. Приехали в разгар лета 1948 года. Временно работал директором районного Дома пионеров, а когда начался учебный год, стал учителем физического воспитания и рисования в средней школе. В 1949 году в семье Пруссаковых родилась дочь. Девочка не отличалась крепким здоровьем, и пришлось север сменить на юг.

В 1958 году они переехали в Шуский район, село Ленинское, где купили дом и корову. Виталий Евгеньевич устроился в училище механизации (СПТУ) — инструктором физической культуры, а супруга учителем математики в средней школе.

Летом 1962 года был награжден значком “Отличник профтехобразования” за добросовестную работу в училище и за активное участие в работе республиканской газеты “Трудовые резервы”.

В начале в семье Пруссаковых все было вроде благополучно, но с приездом тещи все изменилось. Она стала упрекать дочь: “Что у тебя за мужик, если ты зарабатываешь больше?”. И это была правда. Не только потому, что она была дипломированным специалистом, но у нее была дефицитная среди учителей профессия.

Грубые выпады тещи, естественно, вызывали у него ответную реакцию. Трещина в отношениях расширялась, что привело к неизбежному концу —

официальному разводу с разделом имущества, что собственно и устраивало тещу.

В 1962 году он переехал в село Берлик, где работал учителем физического воспитания и рисования в средней школе им. Н.К.Крупской. В 1970 году он был удостоен Правительственной награды медали за “Доблестный труд”. Виталий Евгеньевич — недипломированный учитель “физической культуры”, так пренебрежительно называли предмет физической культуры, и в довершении всего он был беспартийным. “Неважно кем работаешь, важно — как!” — по такому принципу отбирали кандидатов для награждения. Здесь может и не играть роли наличие диплома, когда касается творческой личности.

Труд конструктора, художника, актера и труд учителя творческий, если он не урокодатель, а его труд — поиск.

Пруссаков трудолюбивый по отношению к своему делу человек, это нужное, но далеко не главное качество. Главное в другом: новаторство, умение видеть в обычном, привычном то, что не доступно взгляду других. Способность озарить себя идеей, не дать ей погибнуть пустоцветом, а воплотить в реальный нужный людям продукт. Главное его качество — необычный, нестандартный подход к своей работе.

Виталий Евгеньевич свою работу совмещал с активной деятельностью внештатного корреспондента газеты. Он писал статьи на актуальные, в основном, экономичные темы. За творческое содружество с газетой был награжден Почетной грамотой. Однажды он коснулся большой политики. В рукописи высказывал свое негативное мнение о системе выборов тех лет, которой нельзя было встретить ни в одной цивилизованной стране. Он заранее знал, что статья не будет опубликована. Зачем тогда этот напрасный труд? Но Виталий Евгеньевич знал другое. Взрослые любопытные не менее чем дети. Все противоестественное, необычное рождает в них

повышенный интерес, будь-то “Летающая тарелка”, “Снежный человек” или теленок о двух головах — это же редкость. Но и его статья из ряда редкостей.

Статью обязательно прочтут сотрудники редакции, с ней обязательно ознакомятся работники аппарата райкома, и в изумлении подняв груди, скажут: “Решиться на такое?”. Да, он решился. С содержанием статьи не смотря на запрет, ознакомились люди.

Когда в статье обычных ворон, попадет Белая, стая относится к ней настороженно. Примерно такое же было и отношение жителей села к нему. Станный, не курит, ну это полбеды, даже в праздники не пьет. Значит ненормальный он человек — “Чокнутый”. Он никогда не обижался. Каждому свое. Истина, что трудно живется “Белым воронам” в стае черных ворон.

“Вот на этой минорной ноте ставлю в своей биографии последнюю точку” - сказал, прощаясь “Белая ворона”.

PS. В конце нашей беседы он сказал, что его супруге 80 лет, и кроме нее у него больше никого из родственников нет, если умрет, чтобы организовал похороны. Я дал обещание выполнить его просьбу. На 91 — году жизни тихо скончался этот человек. Близкий его родственник Александр, мой уважаемый товарищ, вместе с ним наш учительский коллектив морально и материально поддержал семью покойного.

После похорон Пруссакова, его супругу Александр устроил к себе. Это было большое гуманное отношение со стороны семьи моего товарища.



II ЧАСТЬ

В. Е. ПРУССАКОВ

ПОЭМА. СТИХОТВОРЕНИЯ.



ОКРЫЛЕННАЯ МЕЧТА
(капитан-лейтенант Можайский)

поэма

Пролог

Среди легенд, седых сказаний,
Дошедших из глубин веков,
Как след несбыточных мечтаний,
Что согревают каждый кров,
Легенда об Икаре смелом
До нас сквозь толщу лет дошла.
Людская в ней мечта жила,
Живая мысль мечтой владела.
Звала, манила и шептала:
“Смотри! Как в небе реют птицы,
Ты человек, тебе ль клониться
К земле извечно?” И рождала
Веленьям веры вопреки
К полетам первые шаги.
Миф об Икаре — красивую сказку —
Бережно нес свозь столетья народ.
Кисти готовя, палитру, и краски,
Видел великий художник полет
Птицы, что в небе бездонном парила.
Видел и думал, какая же сила
В воздухе держит часами ее?!
Спят флорентийцы... Угля острие
Чертит кривые и крылья рисует,
Тайну полета у птиц отнимая.
Дверь приоткрыта, и тени танцуют.
Свечи в шандалах резных оплывают.
Винчи, склонясь над рабочим столом.

Думает: “Тело орла тяжелее
Воздуха легкого. Значит крылом
Он, опираясь о воздух, точнее,
Воздуха “твердь”, и парит в облаках?”

Улицы ночь тишиной затянула
Спят флорентийцы, и время уснуло.
Зернами кварца в песочных часах
Входит рассвет сквозь цветное стекло.
Гроздь виноградная, словно литая,
Прячется в листьях. Совсем уж светло.
Голуби к рынку проносятся стаей.
Встал Леонардо. Еще одна ночь
Творческих взлетов и дерзких мечтаний
Канула в вечность. И гонит он прочь
Мысль о полете. Ведь столько стараний
Отдано им, а ответа все нет,
Так, видно, быть. Не летать человеку.

Срок не пришел, Возрождения веку,
Тайне полета дать точный ответ
Хоть много пытливых и смелых людей
В ту тайну проникнуть хотели.
Ни пытки, ни кнут, ни проклятья церковей
Их воли сломить не сумели...
В XVII веке, в России, в Рязани,
Подьячий в бревенчатом домике жил.
В торговом приказе ярыжкой служил
Скрипел там гусиным пером. Вечерами,
В избу возвратясь, отдыхал, потрапезав.
Потом, помолясь на иконы, брал нож
Лучины строгал он. Скреплял их и резал
Куски заготовленных плотных рогож.
Вот остовы крыльев огромных готовы
И связаны жилой, рогожей покрыты.
Проклеена воском пчелиным основа
И петли для пальцев и рук уж пришиты.

Верил в удачу полета? Кто знает?
Но вот он, крестясь, свои крылья берет,
На верх колокольни высокой влезает
И сверху глядит на притихший народ.
Холоп. Смерд презренный
Он к солнцу стремился

И... бросился в воздух, взмахнувши крылами,
не разбился.

За шнур колокольный схватился руками.
С амвона был проклят за опыты эти,
За то, что связался с нечистой силой
Ярьжка был схвачен, подведен под плети.
И страшная плеть по спине заходила
Пусть тело избито, пусть крыльев обломки —
Бессмертна мечта, как бессмертно и время.
Она, как и жизнь, переходит к потомкам,
Как в землю сырую упавшее семя.
Так годы текли, проходили века.
И вот уж в небесном просторе
Парит человек, как орел, в облаках.
И нивы, и горы, и море
Он видит в полете. Так былью мечта
И явью обыденной стала.
Летит! И полета его высота
И дальность его — выросли.
И та Леонардо да Винчи мечта
Давно уже в жизнь претворилась.
И стал человек словно птица летать
Опершись на разума силу.
На силу науки, на точный расчет,
На прочность и гибкость металла.
На волю, что мысли к победе ведет.
Уверен, сегодня в полете пилот

Спокойно сидит за штурвалом.
И гордостью полнятся наши сердца.
Когда ощущаем мы скорость полета,
Что наша земля породила творца —
Творца чуда века, творца самолета.
Так кто ж он? Кто сумел, познал
Закон паренья вольной птицы?
Кто нам полета радость дал?
По праву кем должны гордиться?
Богата издревле Россия:
Литейщик Чохов, Ползунов
Баженов, Яблочкин, Попов
Аносов, многие другие.
Их мысль, отлитая в дела,
Тщеславный Запад обгоняла
И человечеству дала
И сталь сверхтвердого закала,
И первой лампочки накал
(Тот “русский свет”, что освещал
Парижских богачей квартиры).
И первый голос из эфира,
Что над Котлином прозвучал...
Так пусть нестареющей памятью будет
Мечте о полете свершенной впервые,
Можайского имя. Народ не забудет
Что был он достойнейшим сыном России.



ГЛАВА ПЕРВАЯ

КАДЕТСКИЙ КОРПУС
ГАРДЕМАРИНЫ

На берегу Невы стоит
Дворец огромный. Строгий вид
Ему колонны придают,
Что на себе портал несут.

Колонн прекрасных белизна
Водой реки отражена.
И в зеркале прозрачных вод,
Как и сто лет тому назад,
Себя дворец тот узнает.
Окрашен в желтый цвет фасад.
На крыше мачта, словно дом
Плывет огромным кораблем.
В граните — невская вода.
Здесь в детстве, в светлые года
Можайский был морским кадетом.

И, надобно сказать при этом,
Всегда служил другим примером.
Был вежлив в встрече с офицером.
Прилежен, внешне аккуратен,
Врожденной скромностью приятен.
И в обращении простым.
Учителя гордились им.
Отец и мать в нем воспитали
Упорство, честность, прямоту.
В наследство сыну передали
Души кристальной чистоту.

* * *

Кадетской жизни вереницы
Дней разграфленных в даль ушли,
Сданы экзамены. Не спится...
Последний месяц провели
Кадеты в корпусе. Присвоен
Им флота самый первый чин...
...Высок, широкоплеч и строен
В Кронштадт прибыл гардемарин
В руках он держит назначенье...

* * *

Балтийский флот. Судов движенье.
В груди и радость, и волненье:
В суровый дальний переход
Можайский в первый раз идет.

* * *

Семь лет прошло. Не малый срок.
И сколько ж он морских дорог
И в шторм, и в штиль избородил!
В Балтийском был, на Белом был.
Крепя заправки паруса.
Открыто серые глаза
На мир смотрели. Кто мог знать,
Увидеть, взвесить наперед,
Что этот мичман должен дать,
Как тридцать с лишним лет пройдет
Свой первый миру самолет?

Глава вторая
К ЯПОНСКИМ БЕРЕГАМ

Давно, сто лет тому назад,
В сентябрьский ясный день
По океану плыл фрегат
Отбрасывая тень.
Уж Копенгаген, Скаггерак
Остались за кормой.
Голубокрестный белый флаг
Трепещет над волной.
Скользит “Диана” по волнам
Зелено-синих вод
Идет корабль. Многим дням
Уже потерян счет
Ночь в океане. Лунный свет
Дробится за кормой.
Плывет корабль за собой
Бурунный стелет след.

* * *

Но в окнах одной каюты
Огонь до рассвета горит.
Уходят часы и минуты
А все не ложится, сидит
Читает и пишет Можайский.
Каких только нету здесь книг:
Якоби, Марей, Иловайский,
Японский словарь и китайский.
Английский, французский язык.
Фрегата модель, бригантины,
И планы фортов, крепостей,
Чертеж пароходной машины
(Новинки морских кораблей).
Таблицы весов, логарифмов,
А рядом — Шекспир и Вольтер,

И золото пушкинской рифмы...
Культурнейший был офицер.
Можайский поднялся устало,
Расправивши сажень
“Все заново нужно, с начала
Как будто впервые, с причала,
На курс неизвестный лечь
На курс, а пока, брат, на койку
Ложиться придется тебе
В мечтах-то мы многие бойки” —
С усмешкой сказал он себе.
Повесил мундир аккуратно
И лег, повернувшись к стене...
Над волнами четко и внятно
Звон склянок плывет в тишине
...Над морем крикливая стая
Подняла предутренний гам.
“Диана”, скрипя и качаясь,
К японским плывет берегам.

Глава третья
ЧАЙКИ В ПОЛЕТЕ
РАЗДУМЬЯ

Скоро рассвет и побудка.
В тропиках ночь коротка.
Вот потянулась к дудке
Жилистая рука.
И боцманской трелью задорной
Наполнился весь фрегат.
Стоят в ожидании горна
Матросы на шканцах в ряд.
Горн — к небу. И звуки тают
Над мачтами в вышине.
Андреевский флаг взмывает
В торжественной тишине.

Минута молчанья над флотом
Столетиями освящена.
Отбой. Закипела работа.
Крутая качает волна.
“По вантам! На мачты и реи!
Крепи паруса поживей!” —
Крик боцмана птицею реет
А море, меж тем, все темнеет
И чайки кричат все сильнее
На мостик вахтенный взбежал —
Дежурный офицер.
Проверил курс, буссоль, журнал.
Закрыл плотнее дверь.
В открытый вахтенный журнал
Внимательно взглянул,
Координаты записал
И сел к столу на стул.
Как свеж над морем воздух, чист!
Как океан ревет!
Он слышит ветра резкий свист
И видит чаек лет —
Упругий, сильный, быстрый взмах
Красивых, длинных крыл.
И снова на его устах
Больной вопрос застыл:
“Ну как-же это? В чем секрет?
Паденья нету вниз,
Когда и крыльев взмаха нет,
Попробуй — разберись!”
Орел недвижим в вышине
Как будто бы повис...
“Диана”, кланяясь волне,
Ныряя, верх и вниз,
Прошла Коломбо, дни идут,
К Симодо, подошла
И там, приветственный салют
При входе, в порт, дала.

А в это время далеко
Где древний Херсонес
Стоит как страж седых веков.
Враг в наши воды влез.
Кипит, на Черном море бой.
Можайский, мог ли знать,
Что скоро жизненный, иной,
Начертанный ему войной,
Он будет курс держать?

* * *

Угасла Крымская война.
Травой покрылись бастионы,
И Севастополь изнуренный
Ласкает южная волна,
Все, что Нахимов сделать мог,
Все, что могли отдать матросы, —
Все было отдано. Но строг
Закон судьбы. Так под колеса
Арбы тяжелой попадает
Цветок полей благоуханный.
Казалось мертв. Но день придет
Росою утренней туманы
Напоят чашечку и вот, —
Живой водой омывши раны,
Он, у дороги, вновь встает.
И вновь прохожего, ласкает
Степную яркой красотой...
Так Севастополь. Принял бой.
Неравный бой. И силы тают.
Но вымпел доблестного флота
Перед врагом не опускал...
А в Петербурге беззаботном —
Гремел за балом новый бал.

Глава четвертая МУЖИЧИЙ ЗАСТУПНИК

Войну позорно проиграв
(Удел бездарности и лени)
Свободы светоч растоптав,
Народ поставив на колени,
Царь приказал: “Военный флот
Уменьшить в численном составе!”
И вот Можайский узнает,
Что он отчислен. И направят
Хотел того иль не хотел,
Его на должность кандидата,
Посредника крестьянских дел.
Перед отъездом пишет брату
Письмо, где с горечью, шутя
Он говорит: “Любому зверю
Поверить мог, себе — не верю
Моряк потомственный и вдруг.
В бумажном буду плавать море.
Я в крючкотворстве, знаешь, тут
Дипломатичных разных дуг
Гнуть не умею. Вот брат, горе!”
В уезде принял он дела.
И хоть не знал сперва их, толком,
Молва крестьянская пошла,
Что он с помещиком — де, волком,
Компаний разных не ведет
Что споры правильно решает,
Что мужика не подведет,
А спросишь, — толком отвечает,
И верно: тяжбу разрешив,
Крестьян избавив от несчастья,
Он в сердце чувствовал прилив
Какой-то радости и счастья.
И незаметно для себя

Он в круг работы новой входит
Отвод угодий производит.
И вдруг охоту полюбя,
В лесу с ружьем часами бродит.
Бывало, глухаря спугнет,
Но только ствол ружья подбросит
И так, не выстрелив, замрет.
И долго смотрит на полет.
И снова думу в сердце носит.
И снова бурная мечта
Его захватывает властно
Он, полон сил. Он не устал
И делу весь отдавшись страстно,
Чуть где досуг — он у стола.
Расчет сменяется расчетом:
Какой удельный вес крыла?
Какая форма для полета
удобней? Чем и почему?
И в чем таится суть паренья?
Все нужно знать сейчас ему
А сколько на пути, сомненья!
Можайский рисует десятки набросков
То площадь крыла, то наклон изменяет
Художник хороший, он точно и броско
И в профиль, и в фас аппарат
выполняет,
И после раздумья листок из альбома
С наброском, что лучшим среди прочих
считает,
Рукою огромной, с канатом, знакомой
Рисунок — чертеж, не спеша, вырывает.

Глава пятая НОСТАЛЬГИЯ

Родная, русская земля!
Благославленна ты навеки, —
Родные нивы и поля,
Твои в спокойных руслах реки!
Пусть яркой и не блещешь ты,
Как страны юга, красотою,
Тебе наш труд, любовь, мечты,
Прекрасной юности цветы
И жизнь, — до вечного, покоя!..
Присел Можайский на пенек
Спиной откинулся к осине.
Закрыв глаза. Померк Восток.
На остывающий песок
Ложится вечер тенью синей,
Луна купается в реке.
Цветной ковер свернули зори.
Шумит камыш невдалеке
И шум напоминает море.
Да, Море он любил и знал.
Встречался с ним в бесстрашном споре
Когда идет девятый вал,
Когда бушует в злобе море.
Когда корабль — игрушку воли
Стремится поглотить пучина.
А он, качаясь, словно челн,
Неся оснастки паутину,
И закрепив, все паруса,
По краю гибели несется
И смело со стихией бьется.
И в этой битве, чудеса
Сноровки, мужества, отваги
Творят матросы корабля.
А он, зарывшись здесь в бумагах,

Саженью меряет поля.
Нет нет! Довольно! Он прошение
В коммерческий напишет флот.
Его возьмут там без сомненья.
А время он и там найдет,
Пожалуй, будет даже лучше.
Скорей построит он модель.
Идет Можайский. В небе тучи
Постлали месяцу постель
И сразу словно бы в чернила.
Как в тень кустов, нырнула ночь.
Пол века прожил. Тает сила,
Что в споре дружеском ломила
Подковы и бросала прочь.

Глава шестая БОСФОР

И снова он по морю синему бродит:
Костанца, Стамбул, Севастополь, Одесса.
С пенькою и рыбой, с пшеницей и лесом
Корабль свой он в дальние порты приводит
Как прежде, на мостик поднявшись часами
В задумчивой позе недвижим стоит.
Саженьями палубу мерит шагами
То что-то, в каюте своей мастерит.
Матрос — вестовой, заглянувший в каюту.
Выносит оттуда случайный секрет.
“Зашел это, братцы, к нему на минуту,
Гляжу, капитан наш, болтать вам не след,
Из жести паяет как будто бы лодку —
Игрушка бы вроде, но крылья к чему?
Пружину с часов закрепил посередке
Ну, были бы дети, а так — не пойму.
Чудно!” “Что чудного-то, барин и только”
“Ну нет, не скажи, Неплохой человек.

Я плавал, ребята, наверное, столько
что вам не придется, пожалуй,

во век

А вот капитана с душой человеческой,
Как этот, встречать не пришлось никогда”
“А сам-то матерый, что шея, что плечи.
Ему попадись, коли в гневе, — беда”
“Да добр он ребята. Сижу я

на юте

Пишу, значит, милой своей, письмецо.
А он подошел и так запросто шутит
Как будто-бы вышел с дружкойм

на крыльцо:

“Кому это пишешь? Зазнобе наверно.
Обличьем она, ничего, хороша?”
“Да как Вам сказать, говорю, чтобы верно —
Лицом рябовата. Но, девка, — душа”
И тут он приветно взглянул и такое:
“Запомни! Коль нет в человеке души,
То вся красота его — место пустое”
И руки на плечи, ко мне, положил.
А руки-то братцы, Не руки — лопаты,
Ну, думаю, Вася, как вдруг саданет
Не видеть тебе ни зазнобы, ни хаты...”
“Не бойся! Зазноба другого найдет
Они, эти бабы, до нашего брата
Как чайки прожорливы, вот до чего
Намедни письмо получил я от свата
Бабеночка, я вам скажу, у него —
Сибирская язва. А может и хуже
На морду же, вот до чего, хороша!”
“Такие вот нашего брата и кружат
Глазами стрельнет, ну и пятках душа”
По палубе хохот, как шар прокатился,
Ударился в борт, откатился к другому
Откуда ни весть гармонист появился,

Меха развернул. И как будто-бы

дома,

В деревне, на улице, в бешеной пляске

Матросы о палубу быют сапогами.

Босфор утихает в сиреновой краске

И море, красуясь заката цветами,

Бормочет и шепчет извечную сказку...

Можайский не слышит ни танцев,

ни песен.

Что русскою грустью несутся над морем

“Полет ее будет,, я знаю, чудесен

Сторонников крыльев подвижных вскоре

С позиций ложной заставлю скатиться”

Уж много недель он модель собирает

То крылья малы, то спираль не годится.

Глава седьмая

РАССВЕТ НАД НЕВОЙ

(лирическое отступление)

Как Петербург хорош весной

Чудесным майским ранним утром!

Уж скверы шелестят листвою,

Заря покрыла перламутром

Главу Исакия. Дворцы,

Мосты, фонтаны, колоннады

И кружевной чугуна ограда —

Прекрасно все... Во все концы

Проспектов струны в даль уходят.

И гранитном ложе спит Нева.

Как бархат, нежная трава

Средь камня плит упрямо всходит.

Прошел фонарщик. И огонь

Послушно в стеклах угасает.

В коляске легкой сытый конь

Копыта на торцы бросает
И мчит по улице стрелой
гусара пьяного домой.
И снова тихо. Город скоро
Проснуться должен. А пока
Все спят. И охраняет город
Петра простертая рука...
Можайский любит этот час,
Когда весь воздух так прозрачен,
Когда все так ласкает глаз,
Когда ты знаешь, что потрачен
Твой труд для пользы, а не зря.
Когда ты веришь, что над русской
Межой крестьянской, горькой, узкой,
Взойдет прекрасная заря.

Глава восьмая В ТЕХНИЧЕСКОМ КОМИТЕТЕ

Рожденной надежды побегу лелея,
Не думал о том, что ответ Управленья
По дикости будет подобен решенью
Суда инквизиторов над Галилеем .
И вот, наконец, получив приглашенье,
Можайский торопится словно свиданье
Назначено им у ворот Управленья
Подходит. Огромное серое здание
С осанкой сенатора или министра
Ливрейный швейцар у дверей вестибюля.
Можайский поднялся по лестнице быстро.
И звуки шагов средь ковров утонули.
Стук в двери: “Войдите!”
Холодный, надменный,

Тевтонскую спесью до края налитый
Фон Паукер в кресле работы отменной
Сидит, не согнувшись, как к спинке пришитый.
А справа и слева фон Герн и фон Вальберг.
Движение рук и монокли сверкнули
Можайский подумал: “Да, ведьму здесь в ступе
Пожалуй получишь, но денег, — едва-ли”
И тут разговор происходит короткий,
Не важный, по сути его содержания.
Судьба и творца и летающей лодки.
В руках у хозяев угрюмого зданья.
Минута молчанья... И вот генерал,
Можайскому кресло рукой предлагая,
Безбожно всю русскую речь искажая,
Молчание первый по чину прервал.

ГЕНЕРАЛ ПАУКЕР

Прошу вас понять. Мы проект ваш читали.
Комиссией всей он просмотрен и взвешен.
Но, вывод для Вас, признаюсь, безутешен.
Вы в сети мечты, словно киндер, попали.
Напрасны расчетов детальных колонки.
Смешно ведь сказать: неподвижные крылья.
Вас ист дас по рюски? Идей избылье,
Но рвется там ошен, где ошен все тонко.
Семь разов отрежь, тогда мерять годится”.

МОЖАЙСКИЙ

В расчеты мои никогда не входило
 Копировать слепо, доподлинно птицу
 И что там ни скажут науки светила
 В открытые двери не буду ломиться
 Вы правы. В полете, в движении крылья.
 И с этим слепой только может лишь спорить.
 Но им, не забудьте, нужны и усилья.
 Иль попросту мышцы, мотор, тот, который
 В моем аппарате надежно и прочно
 Заменит затрату их мускульной силы.
 И угол атаки рассчитан мной точно
 В полет модели, что многих пленила.
 И если прошу у Вас суммы ничтожной
 Для пользы ведь дела. Для блага России,
 Которая может быть в мире впервые
 Стоит на пороге победы возможной.
 Не слава нужна. Не ищу я награды.
 Так что ж, мне прибегнуть к разбою иль
краже?"

ГЕНЕРАЛ ПАУКЕР

Расстраивать сердце не должно, не надо,
 Зачем же экстаз, экзальтация даже?
 Зачем Вам печися о пользе России?
 Заботу ведь всю проявляет Европа.
 Ведь все, что в науке солидно,
впервые
 В ней мысль зарождалась и как-его... опит
 Россия готовую кушает жвачку
 Об этом я оцен, весьма зажалую.

МОЖАЙСКИЙ

Жалею и я, что пришел за подачкой.
Задерживать больше визитом не смею.
Но должен напомнить, что нашей отрыжкой —
Наукой мужичьей — не раз вы питались.
Вы крали ее. И вложив ее в книжку
Ворованный труд вы за свой выдавали
За резкость сравнений прошу извиненья
И хлопнув дверями, Можайский уходит.
Высокая тройка стоит без движенья
И медленно в чувства земные приходит.

Глава девятая У ВОЕННОГО МИНИСТРА

Он был готов стерпеть позор,
Презренья горочь, боль насмешек —
Не затухал бы лишь костер
Зажженный им, что до сих пор
Один поддерживал. От пешек,
Что скопом лезли в короли,
От “фонов” разных, что к науке
Тянули варварские руки,
Что в ней, святой, себя вели
Как дикари и как невежды,
Что лишь рядились в одежды
Культуры внешней, показной, —
От них зависел он, как прежде.
Где уж тут отдых и покой?
В бесплодном нету прока споре
Он собирается идти
В дом к Менделееву, чтоб горе
Излить свое. Чтоб тот пути
Своею мыслью гениальной
Ему в дальнейшем указал,

Чтобы направил, поддержал,
Пришел. И тут исход печальный
Ученый за границей был.
Можайский всех друзей обходит,
Где лишь сочувствие находит.
И наконец, пойти решил
К министру. В дом роскошный входит.
Приемный день. Уютный зал.
Диванов бархат. Блеск паркета
Уходит в даль стенный зеркал.
Приеме ждут лишь генерал
О похожим на него кадетом
И дама. Больше никого.
Можайский сел лицом к портрету
Из темной рамы. На него
А кавалергардских эполетах.
На локте кивер, смотрит царь,
Надменно голову подняв
Неслышно входит секретарь
“Можайский здесь? Вас просит граф”.
“Садитесь” слышен барский тон
“Вы может курите? Гавана.
Проект читал Ваш, только он,
Я бы сказал, весьма туманный.
Проект Ваш, так сказать, и смел.
В нем есть и страсть, и веры сила.
Но плод для дела не созрел,
Ведь нас давно опередила
Европы мысль. Однако там,
Вы сами знаете, нет места
Не токмо делу и мечтам
О мертвых крыльях. Мне известно
Решенье тройки. Может быть
Я вас, конечно, обижаю,
Но должен я его скрепить
Своею подписью, хоть знаю,

Что Вы с решением моим,
Отнюдь, не будете согласны,
Все фантазеры так ужасны.
Простительно уж молодым.
Но ваши годы, ваше имя,
Вас ценит весь Балтийский флот
Так бросьте крылья, бог уж с ними.
Мужик без крыльев проживет
Взгляните!” он отдернул штору,
“Адмиралтейство, гладь Невы.
За ней Балтийские просторы,
Я удивлен, Можайский. Вы,
Который любит страстно море,
Который на таком счету,
Я допускаю мысль и ту,
Что может быть в ученом споре
Вы очень сильный оппонент.
Но спор одно, а жизнь другое
Затеи ж Ваши вроде лент.
Или шаров. Как все цветное,
Конечно, красочно. Но прок
В них небольшой. А Вы, простите,
Субсидий ждете. Подведите
Вы под идею, что хотите,
Но, не один сплошной песок.
А? Ваше мнение?” Дым сигары
Туманом голубым плывет...
Можайский медленно встает
И, словно сбросив злые чары,
Идя к тяжелому концу,
Рукой проводит по лицу.
“Ваше сиятельство желает
Услышать мнение мое?
Оно ведь роли не сыграет
Я соловей, что лишь поет.
Из песни, сами Вы сказали,
Кафтан, конечно, не сошьешь.

Надежды юношей питают,
А я, не юноша. Ну что ж,
Прошу прощенья. До свиданья"...
Огромный, сумрачный, прямой,
Можайский отошел от зданья
И поравнявшись со скамьей
Присел, опершись на колени,
Поникнув скробно головой.
Бульвар весь в смехе и движенье,
Заполнен праздною толпой.
Всю ночь Можайский просидел,
Как изваянье на скамейке,
И в оцепении смотрел
Как пляшут дальних молний змейки.

Глава десятая АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Да, двигатель должен быть легким и мощным,
Таких ведь моторов не знали в ту пору.
И вот уж Можайский и денно и ночью
Сидит над расчетами, двигая в гору,
Тяжелую "кладь" трудоемкой проблемы.
Он ищет и вес и размеры мотора
Его охлаждения строит систему.
Недели проходят. И вот уже, скоро
Рождается замысел в линиях строгих,
В пропорциях точных на ватман ложится.
И шутит с друзьями Можайский: "Не боги
Горшки обжигают". И вот уже мчится
С заказом движка на Балтийский завод.
Оттуда — к себе. Поскорее на дачу.
Друзей — столяров друг за другом зовет
И ставит пред ними такую задачу:
"Ребята! Я вам уж давно не плачу
Коль верите мне, приложите все силы.
Работа моя, знаю, вам по плечу.

Что скажешь, Арсентьев?” “Ах, Федорыч,
милый!

Неужто не видим, как рыба, об лед.
Ты бьешься. Задача твоя не простая,
Расплатишься с нами, должок не уйдет,
А я ото всех мастеров заявляю:
“Раз начали дело, его завершим
И будешь ты нашей работой доволен.
Тебе мы такой аппарат смастерим,
Чтоб был он великого дела достоин”.

* * *

Можайский увяз “по колено” в долгах —
В ломбарде заложены личные вещи.
Везде побывал он в знакомых домах
Отсутствие средств его давит как клещи.
Военный министр отказал. А мотор.
Один стоит, денег, притом и немалых
Министр, а какой городил все же вздор...
Можайский приходит с работы усталый
Отчаявшись, в поисках денег совсем
Разбитый душевно на отдых ложится.
Часы шесть ударов пробили и семь,
А, сон не идет. Что ни делай — не спится.
И тут, словно ангел — хранитель, — жена
Его окрылила советом — надеждой.
“А что если, Саша, — сказала она, —
“К Лесовскому ты обратишься.
Ведь прежде,
Когда капитаном “Дианы” он был.
К тебе относился он очень неплохо”
“Лесовский?! И верно!” Можайский вскочил,
Жену, как ребенка, на руки схватил.
И в танце медвежьем по полу загрохал.
“По мудрости Оля Царя Соломона
Достойна ты, право! Вот это жена!”.

Она отвернулась, зарделась смущенно.
Можайский, в успехе почти убежденный.
Лесовскому пишет. Теперь не до сна
Лесовский блестящую сделал карьеру
Давно уж ходил в адмиральских чинах.
Он, помнил команду своих офицеров
“Дианы”, в Симодо трагический крах.
Он помнил Можайского. Знал и ценил
За ясность ума и за творческий пыл...
Лесовский, где нужно, пружины нажал
И деньги Можайскому выданы были
И снова надежды огонь запылал.
Заказы оплачены. Много усилий
Ему приходилось тогда прилагать,
Чтоб все изготовили в сроки заказы
И тысячи мелочей разных решать,
До ночи работать и рано вставать.
Чтоб видеть все строгим
хозяйственным глазом.



СМУТНОЕ ВРЕМЯ (Кто мы? Где мы?)

Экономику ждет крушенье:
Не на годы счет — на дни
Перед рынком, склонив колени
Умоляем “Спаси, сохрани”
В нем мы ищем от бед панацею,
Чтоб достойною жизнью жить
Над программами Рынка, потеют
Государственные мужики.
На ромашках, всерьез, гадают
Академики-мудрецы
Академики, а не знают
Как с концами, свести концы.
Ну, а мы? Мы ждем манны с неба
Взор к всевышнему обратив
В виде сахара, мяса и хлеба
О работе, подчас, забыв
Ждем, в едином порыве, чуда.
Дефицит исчезнет и вот
Я, как никогда, снова буду
С ветчиною есть бутерброд.
А пока, в магазинах нет давки,
Продавцы - же, взамен колбасы
Предлагают нам, в долг, прилавки
И, по сходной цене весы.
Площадей, митинговые, страсти
Захлестнула нас мутной волной,
Чьи-то лидеры, рвутся к власти,
Кто-то бизнес крепит теневой
Все теряем: мораль и нравы
Кем мы можем в итоге стать?

Берег Левый и берег Правый,
Так к какому же, нам, пристать?
Бурелом идем, без дороги
Где к Согласию, и к Миру, мосты?
Счет предъявит, История, строгий,
А пока только горечь и стыд
Не кулак, под покровом ночи
И обреза, советы кляня,
Автоматная, нынче, очередь
Правит бал, среди бела дня
Угасают невинные жизни,
Кровь соседа... предсмертный стон
Как случилось такое в Отчизне
Явь как бред, кошмарный сон
Кто мы? Где мы? Куда стремимся?
Где Добро, наша Совесть и Честь
Даже тени своей боимся
Люди! Вдумайтесь, кто мы есть
Стало жизнь, затяжною драмой
Слово резкое и враги.
Как найти нам дорогу к храму
Боже, праведный, помоги

Когда конец придет Войне
Чечня в крови, Чечня в огне.
Кто понесет за все ответ
Кто виноват? Виновных нет.

Районная газета "Чуйская долина", 1993 г.

И МЫ ВСТРЕЧАЛИ ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Стихотворение “И мы встречали День Победы” посвящено всенародному празднику Победы. Памятуя о том, что “из песни слов не выкинешь”, я хотел приоткрыть одну из трагических страниц в истории Великой Отечественной войны. Страницу, которая до сих пор была неведома не только молодежи, но и многим людям старшего поколения...

В первые месяцы войны — как тяжело нам это не признавать, но куда от правды денешься — многие наши солдаты (да не только солдаты) сдавались в плен. Одни — потому что боялись за свою жизнь, другие, выполнив свой воинский долг до конца, но потеряв силы в результате ранения или контузии. Но и тем, и другим выносился вердикт: “Изменник, враг народа!” Никто не хотел знать, что сдаться в плен и оказаться в плену, понятия далеко не равнозначные.

Кем был для нас, в то время, Сталин:

Пророк, почти что божество.

Его мы в песнях прославляли,

При жизни в мраморе ваяли,

Варили сталь, хлеб убирали, все, в честь кумира
своего

В мечтах о “завтра”, лучезарном,

Трудились не жалея сил,

А он, как некогда жандармы,

Знаком ему прием коварный,

Донос, в систему превратил.

Война: Коряво на снарядах:

“За Родину и за Вождя”

В сраженья шли не за наградой

Солдат и Смерть, в обнимку, рядом,

В огне, в грязи, в снегах, в дождях.

Бой за Москву: горели в танках,

Шли в рукопашную, в штыки...

...Перед Вождем доклад охранки...

И мчит, минуя полустанки,
Этап, секретный, в “Соловки”
Команда: “Воздух!!!” взрыв, паденье,
Осколок в грудь, а с ним — вину,
Витала смерть зловещей тенью,
Но тут вмешалось провиденье
Спасло мне жизнь, но жизнь в плену
Бежал: настигли, визг овчарок,
Побои, кровь и... вновь — бежал,
Все силы отданы, упал.
Судьба вручила мне в порядок
“Свободу”, ту, что потерял.
Как выстрел “Встать!” как хлыст “Измена”
И взгляд в упор, холодный, злой,
“Жена моя, дочурка Лена,
Как в мыслях рвался к вам из плена,
Как я мечтал дойти домой”
Поднялся: двое слева, справа,
“В плену спасения искал?
Нарушил ты присяги право,
Ты в грязь втоптал солдата славу,
Предатель, шкура. В трибунал!”
Мы жили в страшную эпоху:
Не разобрать, где друг, где враг.
Несли мы крест свой на Голгофу,
Хоть воевали и не плохо,
В Освенцим собственный — в ГУЛАГ.
Хоть нет вины, брели к ГУЛАГу
Не зарастающей тропой.
Пришла расплата за отвагу,
За Будапешт, Варшаву, Прагу,
За тот последний, страшный бой.
Ведет нас память вспять, по следу,
В ту радость давних майских дней.
Встречали мы тот День Победы
Теперь уж немощные деды,
В колючих зонах лагерей.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Все меньше нас, друзья — солдаты...
 Угасли, как свеча, мечты.
 Вся жизнь прошла, как снег из ваты,
 Как грусть осеннего заката,
 Иль, как бумажные цветы...
 Они мертвы. Нет аромата.
 Живых, в росистых каплях роз.
 Скажите, в чем мы виноваты?
 Что были без креста распяты,
 Как на кресте Иисус Христос?

Чуйская долина

ОСТОРОЖНО — ОБЫВАТЕЛЬ!!!

*(когда же как редкого зверя иль птицу
в Красную книгу его занесут)*

Жил мещанин в обывательском мире...
 Сплетни к блинам, под гитару романс.
 Весь его мир в габаритах квартиры,
 Гости в субботу, вино, преферанс...
 Его не касались беды чужие,
 Проблемы общества, мир и война,
 Герани полить, отдохнуть (пообедав),
 Личный покой, уют, тишина...
 Уже расщеплен и изучен атом,
 Хочешь — ладонью к Луне прикоснись,
 Скальпель Бернарда (кудесник — анатом)
 Сердцу дарует вторую жизнь.
 Уже поднимает ученый завесу
 Над тайной рожденья плазмы, белка,
 В ярангу иные “вошли” интересы,
 В перчатке хирурга эвенка рука.
 Дерзанию ума нет границ и предела.
 К познанию тайн бесконечны пути

Идеи и мысли вторгаются смело,
В загадочный мир, чтобы дальше идти...
Все это верно — как и верно другое,
“Вкраплен” пустой породой в народ.
Не в банке со спиртом, а в личном покое,
Как прежде средь нас обыватель живет.
Живет пристойно, не зная порывов
Душевных ... накала страстей ...
Самое страшное (увы, но бывает)
Когда бывает учитель детей ...
Р. Злой рок сериалов владеет умами,
И пошлость с экрана, как волны “цунами”...
Да... пища такая насущнее хлеба,
Мы все “на крючке” сериал — ширпотреб.
Интимные сцены, любовное ложе,
Сценарий “отменный” волнует, тревожит.
А сном поцелуев? Им нету конца,
И млеют в любовном экстазе сердца.
Слились в поцелуе, — какие нюансы?
Не зря поцелуй воспевали в романсах.
Эротику детям смотреть еще рано,
Девчонки, как мухи, прилипли к экрану.
Как “любопытельны” Тани и Оли,
Разве “такое” покажут им в школе.
А рядом их мамы сидят, рассуждают,
Им возраст эротику смотреть позволяет.
Я вас не пойму — вы же умные дамы,
Тогда почему вы в сетях мелодрамы?
А может “достойно” все “взвесив” в постели,
Вы сами в “сачок” залететь захотели?!
Тогда, чтоб слова бесполезно не тратить,
Скажу:
“ВЫ КАК ВСЕ — РЯДОВОЙ ОБЫВАТЕЛЬ!”

“Чуйская долина” Апрель 2001 год.

ЖЕНЩИНЕ

Когда бывает очень трудно
(Пусть в этом не твоя вина)
Душевных сил запас подспудный
В тебе откроется сполна

Когда мужчина в тяжком горе-
Рукою тянется к вину.
В твоём, слезой омытом взоре,
Забота. Рядом сын иль внук.

Ты как челнок, и нет покоя
Всю жизнь — пчелой: туда — сюда,
Ты — это Уля, это Зоя,
Когда в страну пришла беда.

В труде нелегком, в ратном деле
Ты шла с мужчиной бок о бок
В солдатской, коробом, шинели,
В “просторе” кирзовых сапог.

Ты с болью в сердце отступала
На Запад, с гневом шла вперед.
Кормила ты и одевала
Солдат, детей, себя — народ

И вот сейчас, под мирным небом
Тебе покоя снова нет.
Нет, не кусок насущный хлеба
(Мечта военных страшных лет)

Тебя волнуют. Дети. Дети.
Растут, взрослеют, улетят...
И так везде, на всей планете —
Печальный материнский взгляд

Не плачьте, матери, не надо
Таков уж жизненный закон:

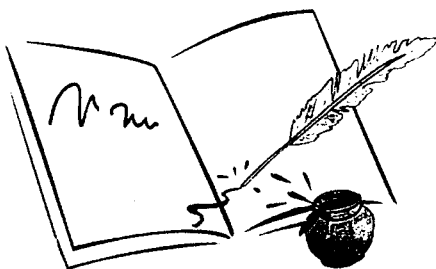
Твой кровный сын — тебе награда,
Коль человеком станет он

В предначертанье это верить
Конечно, трудно, жизнь — не сон
Ему мы в мир откроем двери
Тебе ж за все — земной поклон



III ЧАСТЬ

**ПУБЛИЦИСТИЧЕНИЕ
ЗАМЕТКИ**



В одном из предместий Парижа стоит скромный памятник. Постамент со скульптурным изваянием ползущей собаки. За какие же заслуги удостоилась столь высокой чести парижская дворняжка? На медной доске постамента три слова: "За беззаветную преданность" и ниже "Сооружен на добровольные пожертвования жителей предместья". Молча стоят у постамента люди и в душе каждого рождаются ассоциации не в пользу рода человеческого. Стоят и осмысливают горькую повесть о долге, преданности и любви.

Жил в предместье хозяин собаки, рабочий завода Рено. Каждое утро он спешил к автобусной остановке. И каждый раз его провожал, а вечером встречал четвероногий друг. Встречал визгом радости от избытка переполнявших его чувств, стараясь лизнуть натруженные руки. Но однажды... Фашистские полчища, подминая под гусеницы танков одну страну за другой, рвались к Парижу. Ушел в отряд сопротивления хозяин и в неравном бою погиб.

Собакам не вручают посмертных извещений. "Неужели предал, бросил? Не верю". И великая сила надежды заставляла ее и в осенние дожди, и в зимние метели, изо дня в день, из месяца в месяц, в течение долгих трех лет бежать к остановке: "А вдруг"! Но чудо не произошло. Собака старела. Мышцы потеряли былую упругость, и в один январский день она не могла даже идти, только ползти. Всему есть предел. И на дороге негасимой надежды оборвалась ее жизнь. Жизнь, полная любви, преданности и долга.

Грустная, но поучительная история.

Мы живем в лавинообразном потоке информации, и как-то исподволь, незаметно ушло из жизни библейское "Не убий". Очередное сообщение о трагедии воспринимаем буднично, как объявление об обмене квартир. Очерствели.

Выйдя на широкую дорогу всеобщего образования “(Догнать и перегнать!)”, мы на ее обочине оставили главное — воспитание. В нужное время ни высокие инстанции, ни тандем семьи и школы не уделили этой важнейшей проблеме должного внимания, и в итоге мы пожинаем горькие плоды. Количество, увы, не перешло в качество.

Воспитание, а не образование — краеугольный камень становления в человеке нравственных устоев. Можно быть обладателем двух дипломов и оставаться типичным обывателем, более того, не чистоплотным человеком. И жизнь подтверждает это. Как снежный ком растут ряды “Свободных предпринимателей”, считающих добросовестный труд уделом людей с ущербной философией и ограниченными способностями.

Принято быть владельцем роскошно изданной книги. Золотой обрез, дорогой, тисненой кожи переплет, и все же не он — главное в книге. Как, впрочем, многое в жизни. “Золотой обрез” престижного благополучия не адекватен внутренним достоинством его обладателя. Чаще наоборот.

Путь к правовому государству — это, прежде всего моральное, нравственное очищение всех и каждого. Дорога к добру, как и всякая другая, начинается с первого шага. Так сделаем же его.

Пока не поздно. Я — атеист. Но если возрожденная церковь силой проповеди, пасторского напутствия возвратит нам хоть часть утерянной нравственности, то убежден, дорога к Храму станет дорогой добра.

...У польского писателя Г. Сенкевича есть роман из жизни древнего Рима “Камо грядеши?” (“Куда идешь ты?”). Вопрос тысячелетней давности как никогда актуален для нас.

Куда идем мы?

“Чуйская долина” 3 стр. 02.07.1991 года

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Ритмичный перестук колес. Мягкое покачивание вагона.

Взглянул на часы, восемь. Утро: опускаю, оконную раму и тотчас в вагон врывается, торжествующий гудок тепловоза, оповещающий мир, что и он, не последняя спица в колеснице всеобщего прогресса. За окном, как в калейдоскопе, меняется пейзаж: белоствольные рощи Подмосковья, плавное течение Волги. Строгий силуэт индустриального Урала, а вот и он “Священный” Байкал, жемчужина русской земли. Нерукотворная чаша, наполненная до краев кристально-чистой, прозрачной, как слеза ребенка, живительной влагой. Бескрайние просторы Сибири, могучие кроны столетних кедров дальневосточной тайги, и как последний мазок, постоянно-меняющейся картины волны, не всего правда, тихого и все же “Тихого” океана. На всем протяжении огромного пути, неизменным оставалась одно: ярко-желтые куртки путевых рабочих, точнее — работниц. Да, да, это они, наши женщины.

Женщины, в честь которых поэты всех времен и народов, Эллады, обожествляя красоту тела женского, увековечив ее в мраморе, донесли до наших дней. Венера Мелосская, и без рук, прекрасна, как и в дни своего рождения. Мы тоже хотим, видеть современных женщин красивыми, стройными, элегантными, жизнерадостными, но когда смотришь на таких, желание как улитка стыдливо прячется в наших душах. Право на труд — великое благо и для женщин тоже.

Но содружество женщины с ломом, костыльным молотком и лопатой да еще в мирное время — это уродство.

Для иностранного туриста это экзотика, для нас, привычная с детства картина. В тридцатиградусную жару, в удушливом “аромате” креозота, в зимнюю

стужу, в осеннюю распутицу, делают они нужную, но отнюдь, не женскую работу. С почерневшими от зноя и стужи лицами. С потрескавшейся кожей рук, с сетью ранних морщин, с гнущимися от усталости ногами, они, увы, не претенденты на участие в конкурсах красоты. Ни одна из них не станет “Мисс Европа”, “Мисс Россия” даже “Мисс” собственного района.

Ну, а где — сильный пол, мужчины?

Как где? Вот они — рядом. За прилавком магазина, кельнером в ресторане за шашлычной жаровней, зазывалой у лотерейного барабана. Молодые, красивые, полные сил и южного темперамента. Владельцы сторублевой зарплаты и собственных “Жигулей”. Им нужны женщины но такие?! Увы!

“Простите — дешевый товар” “Сельяви” Такова жизнь. Говорят французы “Нет” говорим мы, это ее изнанка.



ДИАЛОГ

В недавнем прошлом, в Америке, внимание туристов привлекали автобусы с надписью: "Только для белых" Нет, это не означало что "чернокожие", на работу идут пешком. Это была, поднятая на государственный уровень, дискриминация, унижение человеческого достоинства, многомиллионного населения негритянских гетто. Как это было созвучно нашему, дореволюционному, прошлому. Российская провинция: Небольшие уездные города и неотъемлемой частью каждого, являлся городской Сад. Помните: "В городском Саду играет духовный оркестр". В воскресные дни, сюда на отдых, приходила так называемая "приличная" публика: Чиновники Городской Управы, местная интеллигенция, врачи, учителя гимназии, купцы третьей гильдии, офицеры местного гарнизона и конечно родители гимназистов.

В открытой эстраде — раковине, духовой оркестр добровольный пожарной команды исполнял патриотические марши и меланхолические вальсы. Изредка сад мог посетить, одетый в штатское, жандармский ротмистр, тренированным ухом присушиваясь к тому: "о чем это спорят, образованные обыватели". Так вот: У входа в городской Сад красовалась, - видное издали, - предупреждение:!! "Нижним чинам и собакам, - вход воспрещен!". Нет у нас, сейчас аналогичных, полуграмотных запретов ретивых градоначальников, но с хамством, с оскорблением личностей, встречаемся неоднократно такое, наиболее четко просматривается в диалогах руководителей с подчиненными.

Сверху—вниз (в зависимости от настроения) либерально—покровительственное. Или гневно—начальственное, унижительное "Ты".

Снизу—вверх вежливое, подчас подобострастное

“Вы” и никогда наоборот. Что это? Отсутствие внутренней культуры, огрехи в воспитании, или преднамеренно расставленные акценты? Скорее, последнее.

Секретарь Райкома к убеленному сединами агроному: “По-твоему это вспашка? Куда смотрел, каким местом думал?”. И он же, переступив порог обкомовского кабинета, трансформируется в эталон вежливости и этикета и на адресованное теперь уже ему “Ты”, вряд ли рискнет на встречную фамильярность требовательность субординации? Скорее пас. Трезвая оценка соотношения сил. Любой руководитель (за редким исключением) обращается к личному водителю (редкое исключение отсутствует) верноподданническое “Вы”.

Осторожно прикрыв дверь кабинета Директора школы, умудренный жизненным опытом завхоз, на ходу бросает пожилой техничке: “Гавриловна: протри хорошенько стекла, ждем комиссию”. Ему невдомек, что у “Гавриловны” как и у директора, есть собственное человеческое достоинство. Бывает в минуты агрессивного настроения, начальственное лицо, включает в Диалог с подчиненным чистопородный мат, который если не укрепляет его авторитет, то рождает в душе подчиненного пусть не страх, а вот ненависть, - это точно. Так как же? “Что положено Юпитеру, недозволено быку?”. Подобные диалоги переключивая из фильма в фильм, из романа в роман, исповедь приучают нас к мысли о их правомерности. Да! У руководителя, любого ранга, есть право применения к подчиненному законных санкций. Нет, и не может быть одного — права на унижение человеческого достоинства.

•Премьера рубрики: “Копилка фактов беспредела”

ЧТО НАПИСАНО ПЕРОМ

Я рубить и не собираюсь, так как написанное устраивает меня вполне. Более того: оно — как целительный бальзам на истерзанную инфляцией душу. А написано — и удостоверено подписью и круглой печатью энергоучастка — на обложке моей расчетной книжки следующее: “Пользуется льготой по бесплатному пользованию э/энергией на основании Закона об образовании Республики Казахстан от 27.09.92 г.” Позвольте! Насколько мне известно, республика образована не в указанный срок, а гораздо раньше. Еще раз внимательно штудирую словесную абракадабру и убеждаюсь в том, что речь идет не об образовании республики, а о народном образовании. Бог с ним, с автором неудобоваримого текста. Каждому свое. Меня радует суть закона. Слезы благодарности орошают животворное “Бесплатно”. Проходит минута, другая, и эмоции уступают место расчетливому прагматизму. Значит так: я поливаю с помощью своего электронасоса соседу огород, а он взамен... Что ни говори — прекрасная штука бартер. Бартер — это о'кей.

Однако откуда такие щедроты. Никаких норм и бесплатно?! Фантастика. Еще раз перечитываю скрепленные печатью строки слева направо и для большей доверенности — справа налево и окончательно убеждаюсь в том, что имею право в неограниченном количестве и бесплатно пользоваться электроэнергией до тех пор, пока не появится закон, отменяющий действие предыдущего. Пока его нет, делюсь радостью с женой, незаметно адресуя висящему на стене счетчику комбинацию из трех пальцев.

Проходят дни, недели... Счетчик исправно накручивает киловатт-часы, и это неумолимое, как рок,

движение рождает сомнение, потерю веры в незыблемость Закона. Ведь в нашей действительности, возможно, все даже невозможное: прилетали же к нам инопланетяне. А если так, то возможно не только нарушение, но и игнорирование Закона.

Эта мысль не дает покоя. Иду в сбербанк и на вопрос о льготах, как вспышка магия, как смертельный выстрел, получаю исчерпывающий ответ: “Никаких льгот”. Как дымка утреннего тумана, как манящий мираж исчезло ласковое, как волны Адриатики, слово “льготы”, а вместе с ним и радужные надежды. Согбенный, бреду к неизбежному началу к трагическому концу. Нежданно, как гром среди ясного неба, явится строгий агент Энергонадзора и на мой вполне законный отказ от уплаты набежавших киловатт сделает ход конем. Пришлет дядю Лешу или дядю Васю, и тот, опираясь не на Закон, а на профессиональные “когти”, не спеша, влезет на столб, окинет скучающим взглядом знакомую до боли панораму, щелкнет кусачками и обесточит все блага цивилизации. А как же закон? Где справедливость, права человека, как их обрести, где защитить? Как — где? А третья независимая власть? Эврика! В суд, только в суд. Пусть беспристрастная Фемида разрешит наш спор и вынесет суровый, но справедливый вердикт: “Энерговладелец — ты не прав”.

Так-то оно так, можно и в суд, но не останусь ли я в дураках, вот в чем вопрос. Почему сомневаюсь? По самой простой причине. Кроме триумvirата властей, есть еще одна, не менее влиятельная власть — чиновника. Это он — чиновник (бессмертная птица Феникс). Народной пословице “Закон, что дышло” придал современное, корректное звучание, правда, оставив без изменений суть. Его кредо: “Нет такого Закона, который нельзя было бы обойти”. И будьте уверены — обходит. С успехом. ПОСТСКРИПТУМ.

Когда закон не стальная конструкция, а аморфное образование, когда основы законов размываются

десятками подзаконных актов, когда содержание этих актов — с грифом “для служебного пользования” — не становится достоянием всеобщей гласности, а является для абсолютного большинства тайной за семью печатями. Трудно поверить в то, что государство, опирающееся на шаткие устои таких законов, сможет в обозримом будущем стать подлинно правовым.

*В. Пруссаков
Пос. Брлик.*

ОТ РЕДАКЦИИ. В. Пруссаков остроумно и выразительно описал пренебрежение законом только в одной из многочисленных сфер нашего быта (к сожалению, он не назвал отделение сбербанка, где ему отказали в льготе — видимо, потому, что нашего автора больше волнует не собственный интерес, а изучение явления). Он, несомненно, прав: мы никогда не были избалованы торжеством законности.

Наверняка каждый из вас, уважаемые читатели, сталкивался с таким лицом, которое плевать хотело на ваши интересы и статью закона. Поделитесь в письмах в редакцию опытом подобного рода, приведите, примеры игнорирования законности. Ваши письма будут напечатаны (если пожелаете — без упоминания имени автора) под новой рубрикой “Копилка фактов беспредела”. Эти публикации могут принести, по крайней мере, двоякую пользу: во-первых, они будут сопровождаться компетентным комментарием юриста, во-вторых, может быть, удастся хоть таким образом ослабить правовой беспредел.

*Чуйская долина 3 стр.
29.01.1993 года*

МЫСЛИ ВСЛУХ

“Если говорить честно...”

“Даю честное слово”. Вдумываемся ли мы в значение этих слов?

В телевизионных интервью, как правило, мы видим представителей государственной и правительственной элиты, реже — выдающихся деятелей науки и искусства, уже совсем редко — священнослужителей, пытающихся вернуть нас в лоно веры, дабы очистить заблудшие души от житейской скверны. Так вот, в этих диалогах часто звучат сказанные доверительным тоном слова: “Если говорить честно” — что вызывает недоумение. Выходит, в остальных случаях, в иной ситуации честное слово не обязательно?

Но ведь люди, стоящие у власти, должны быть для нас, рядовых граждан, эталоном во всем — в словах и поступках, олицетворением честности и порядочности. Но тогда чем объяснить такое уродливое явление, как коррупция в высших эшелонах власти?

Так как в нашем поселке не проводятся социологические опросы, надеюсь с помощью газеты высказать свое восприятие происходящего. Если театр начинается с вешалки, дорога с первого шага, то мне кажется, что истоком рождения проступка, а затем, как следствие, и преступления, является слово — лживое слово. В наш прагматичный век данное “честное слово” стало не более чем расхожей фразой, потеряв основу — понятие Чести. Дал слово и не сдержал. Ну и что? Обещал и не выполнил. Подумаешь. Век компьютеров, а тут эдакая средневековая рыцарская щепетильность. Но позвольте, а как же: “Береги честь смолоду!?” А никак: был такой чудак — писатель, ляпнул, не подумав. Это у них бывает. Или этот, как его, Островский, тоже мне провидец: “Жизнь дается однажды, и ее нужно

прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы” Что с него взять? Слепец, не мог смотреть в корень, что жизнь одна. А раз так, то, как говорится, не зевай Фомка, на то ярмарка. Простая философия вседозволенности, разъедающая, как ржа, в наше смутное время души людей, прежде всего — молодежи.

Наиболее ярко эта ущербная философия проявляется в рекламном половодье коммерческих структур, в основу которых заложен принцип базарного зазывалы: “Не обманешь — не продашь”. “Пятьсот процентов!” С ума сойти. И клюет такую наживку доверчивый обыватель: ох как хочется, не ударив палец о палец, стать Ротшильдом. И вот так исподволь, незаметно подтачиваются устои нравственности. Преданы забвению библейские заповеди: “Не убей, не укради”. И воруют, и убивают, да еще как. Не только в пьяном угаре соседа ножом, топором — священника (не болтай лишнего). Да что топор, автоматные очереди косят человеческие жизни на меже межнациональных распрей. Появилась и совершенно новая разновидность убийств, как в бюро услуг, по заказу: “Вам кого, этого? Бу—зде. Деньги на бочку и только в валюте”.

Бедный Остап Бендер изобрел сто способов изымания денег, и хоть криминальным талантом Бог проходимца не обидел, но вот до такого способа додуматься не мог. Организованная преступность приобрела вселенский размах. Ее не в силах обуздать объединенные усилия правоохранительных органов. Мафиозные кланы в альянсе с властными структурами создали монолит, прочности которого может позавидовать великая китайская стена.

Прокурорские потуги расколоть его, не более как тиражирование дон-кихотовских сражений.

И вот в таких тяжелейших условиях идет поиск выхода из экономического кризиса. Казалось, что выход найден — экономические реформы. Но их КПД

ничтожно мал. Создается впечатление, что, потеряв все ориентиры, правительства стран содружества наводят мосты не от берега экономического хаоса к берегу цивилизованных рыночных отношений, а вопреки здравому смыслу, - вдоль течения рек. Кто-то сказал, что и параллели могут пересекаться. Возможно. Кажется, у Маршака: "Ох! Тяжелая это работа, из болота тащить бегемота".

Как нам выбраться из экономической трясины? Перенять опыт барона и тянуть себя за собственные волосы? А может, связаться с дружественной Болгарией и проконсультироваться у известной на всю страну гадалки?

Но ведь нашелся же человек, который даже в таких условиях, без помощи государства, сумел создать оазис цивилизованных рыночных отношений. Это всемирно известный новатор в области глазной хирургии, академик Святослав Федоров. Высочайший профессионализм, выдающиеся организаторские способности, твердая вера в осуществление задуманного дают ощутимые результаты. Коллектив высококлассных врачей под руководством академика сумел, создать клинику лечения глазных заболеваний с технологией хирургических операций, не имеющей аналогов в мировой практике. Да, такие операции стоят недешево, но больные понимают, что врачи-кудесники, спасают их от самого страшного недуга — слепоты. Такой труд, его результаты, достойны и соответствующего вознаграждения. Тысячи операций, тысячи больных вновь обрели возможность наслаждаться всем многообразием окружающего мира, а это бесценный дар.

А вот последователей Федорова, к сожалению, пока нет. Конечно, проще организовать очередное АО и стричь купоны. Что для этого нужно: стартовый капитал, напористость молодых бизнесменов, недостатка в которой они не испытывают, и их твердое, искреннее

убеждение в том, что “деньги не пахнут”. Каждому свое. Если бы Федорова спросили: “Считаете ли вы себя богатым человеком?” - он с присущим ему юмором мог бы ответить примерно так: “Все познается в сравнении. По сравнению с султаном Брунея я нищ, как церковная крыса, а по сравнению со своим коллегой врачом районной больницы — голливудская кинозвезда”. Ну, а каков имущественный ценз пишущего эти строки пенсионера с двадцатилетним стажем? Кто я? Богач, обеспеченный человек, или, возможно бедняк? Если взять за основу определения имущественного ценза питание, то я — классический нищий.

О! если бы я мог встретить высоко-породного телевизионного пса, поглощающего свой рекламный сверхкалорийный рацион, то я, несмотря на свой почтенный возраст, бросился бы на него, рыча, чтобы отнять принадлежащие мне по праву витамины. Если бы... А пока пределом моих желаний, синей птицы моей мечты является кусок селедки, если не съесть, то хотя бы увидеть.

Убежден: если бы было как можно больше Федоровых, если бы предприятиям промышленности, сельскому хозяйству были созданы нормальные условия для производительного труда, а в правительственных сферах проявлялась не декларативная, а подлинная забота о нуждах народа, по интенсивности равная заботе о собственном благополучии, - все выглядело бы по-другому.

“Знамя труда” N70 9 ноября 1994 года.

ПОЗИЦИЯ

Суть не в личности — в явлении

Отклик на интервью “Экстрасенс Нуршанов:

Природа и космос едины”

Новое время — новые песни. Впрочем, и в старых можно найти строки, которые заставляют задуматься. “Мы наш, мы новый мир построим...” — блестящая идея, но строили, и не получилось. Попытка — не пытка, попробуем еще. Стройной толпой вновь — теперь уже к другому, но опять-таки к “светлому будущему”, прямехотенько в райские кущи развитого цивилизованного рынка. Предпринимательство, как неизбежность, входит в нашу жизнь. С одной стороны, как грибы после дождя, появляются биржи, брокерские конторы, торговые дома, с другой — не менее стремительно растут ряды оборотистых дельцов, ну, и конечно, околонучных врачей-врачевателей. Суров закон рынка: конкурентная борьба заставляет искать спасение в рекламе. В этом отношении у бирж явное преимущество перед экстрасенсом — одиночкой. Солидные банковские счета позволяют им такую роскошь, как телевизионная реклама. Такой возможности экстрасенс лишен, и презентация в газете — приятная для него находка, поскольку это для него тоже реклама. Спасибо “Чуйской долине”, познакомившей нас со столь неординарной личностью, как экстрасенс Нуршанов. Коль презентация — первый шаг к знакомству, естественно наше желание его продолжать. Хотелось бы получить от мастера ответ на два вопроса: какой, где и когда он закончил институт и где живет, а также работает его учитель.

Конечно, задавать вопросы незнакомому человеку не совсем тактично, но, как говорил опальный вождь пролетариата: “Доверяя — проверяй”. Несколько слов о

ниспосланном свыше даре. Я о том самом “Это” в статье, выделенном крупным шрифтом. Лично в себе я Это не ощущал, хотя тоже общаюсь во сне с умершими, обладаю способностью летать в заоблачных высотах, где в некоторых снах даже встречался с библейскими персонажами. Но, в отличие от вас, доктор, никогда не предполагал, что являюсь носителем уникального, божественно – космического дара. И еще: чем объяснить, что профессиональная деятельность психоэнерготерапевтов и им подобным, в отличие от врачей – консерваторов носит, как правило, многопрофильный характер. Есть понятие “Врачебная тайна”. Возможно, в этой “многопрофильности” скрыта коммерческая тайна?

Что касается девушки, страдавшей головной болью, и ее скоропостижного выздоровления, могу сказать одно: я профан в медицине, но исходя из жизненного опыта, могу утверждать, что контактный массаж значительно превосходит бесконтактный, - он сводит курс лечения буквально к минутам при условии, что девушке по двадцать пять лет и она еще весталка.

Мы живем не только в тяжелое, но и смутное время. Люди устали, теряют надежду на лучшее, пессимизм рождает апатию, равнодушие, душевную опустошенность, желание уйти в мир иллюзий, мистицизма, спрос рождает предложение. Неслучайно, заросшая, казалось бы, навсегда, дорога к храму, вновь обретает своих паломников. Из небытия вышли на свет божий хироманты, предсказатели, спиритизм. Все вернулась на круги своя.

Астрологи опутывают паутиной созвездий доверчивую жертву. Модные эскулапы, приставив палец к пятке больного, а другой к собственному лбу, ставят точный диагноз любой болезни. Летающие тарелки, без страха быть пойманными, снежный человек, чудовище из шотландского озера – все это из арсенала таинственного и сверхестественного. У людей рождается

жгучее желание постичь непонятное. Как все это напоминает прошлое столетней давности: время шпагоглотателей, чревовещателей, шарлатанов (гипнотизеров, приводивших в восторг неприязательную провинциальную публику, с детской доверчивостью принимавшую за чистую монету очередной обман).

Подумать только, сто лет прошло, а тяга к таинственному, необъяснимому осталась, чем беззастенчиво пользуются современные ловцы человеческих душ, и не без успеха, прежде всего — материально. Благополучно здравствуют “внуки лейтенанта Шмидта”, перефразируя известное выражение, можно сказать: “Бендер умер, но дело его живет”.

Мы тоже живем. Живем в удивительном мире кривозеркалья, в стране абсурда, неравных возможностей. Вот они, рожденные перестройкой, новоявленные респектабельные миллионеры, а рядом, сторбленные нуждой и болезнями старики. Нет, не старики-богатые, закрывшие грудью Отечество от фашистского порабощения. Не старики-Атланты, поднявшие на своих плечах страну из руин. У них, ветеранов, есть песня “Нас все меньше и меньше”. Слушаешь ее и становится грустно и стыдно, и больно. Да, их осталось немного. Так неужели им, перед которыми их дети и внуки в неоплатном долгу, нельзя создать нормальных человеческих условий на оставшиеся годы?

А то наблюдаем со стороны молодых в лучшем случае ироничную ухмылку: “Все железками звенишь, дед?”. Рушатся моральные устои, нравственность и государственность тоже. Законодатели, растеряв все ориентиры, блуждают в лабиринте юридических обоснований. Местные власти в ожидании чуда встали в позу сторонних наблюдателей. Мафиозные структуры, срастаясь с управленческими, заказывают нужную им

музыку. Госторговля стала вотчиной теневиков, цены взлетели на космическую высоту и оттуда плюют на нас всех. Могучее государство в одночасье рухнуло, как карточный домик.

Ну, а мы, простой народ, чего хотим, куда стремимся? Неужели "одна, но пламенная страсть" сжигает наши души: жить — как там, а работать — как здесь. Увы, чудес не бывает.

(“Чуйская долина”, 4 февраля 1992 года)



КАРТИНА С НАТУРЫ

Пока не грянет гром

“Войдя в городок Энск, Остап Бендер был крайне удивлен огромным количеством парикмахерских и бюро похоронных процессий. Создавалось впечатление, что люди рождаются лишь для того, чтобы постричься, побриться, освежить голову одеколоном и тут же — умереть”.

Войди Великий комбинатор в наш поселок, он не мог бы лицезреть лишь одну парикмахерскую, которую половину рабочего времени охраняет замок. Что касается похоронных бюро — чего нет, того нет. И неудивительно. В условиях всеобщего дефицита эмиграция в потусторонний мир — дело дорогостоящее. Зато в поселке есть то, что необходимо живым. Магазины различного профиля и ведомственные подчинения — ОРСа и сельпо. Их общая сверхзадача: максимальное удовлетворение запросов потребителя (задача, прямо скажем, невыполнимая). В остальном они мало похожи друг на друга. Если магазины ОРСа в течение ряда лет скрупулезно придерживаются графика работы, то этого никак нельзя сказать о их визави. Правда, как во всяком уважающем себя учреждении в магазинах сельпо тоже есть таблички “Работает без выходных”. Однако вера покупателя в них равна вере в стабильность нормальных отношений в только что родившемся СНГ. Ритмичность работы магазинов равнозначна ритмичности морских приливов. Если работает “Пром”, то закрыт “Хоз” и наоборот. Правда, бывают дни “закрытых дверей”, когда не работают оба. Элементарный сервис в виде приколотых бумажек “Уехала на базу” или “Улетала на Марс” отсутствует.

И все же после нескольких неудачных попыток мне повезло. Я — в хозмаге. Конечно, это не супермаркет,

но, как любил говорить Райкин, "кое-что есть". Однако у большинства этих "кое-что", нет обозначенной цены. Что это? Пресловутая "профессорская" рассеянность или профессиональная предусмотрительность? Судить не берусь. (Интересно. Каково отношение работников прилавка к библейским заповедям "не укради" и "не убий", которые приобретают особую значимость сегодня, когда отсутствие товаров на прилавках может привести к голодной смерти среди некоторой части населения? Сейчас время компромиссов — возможно, какой-то консенсус и будет найден во взаимоотношениях Всевышнего с торговлей).

А сейчас серьезно о серьезном. Что, председатель поссовета не знает о нарушениях в работе торговых учреждений? Знает. Тогда почему не использует свои права? Возможно, из-за нежелания вступать в конфронтацию со столь мощным монополистом? Жива в нас обывательская психология: "С сильным не борись".

За декабрь минувшего года жители рабочего поселка получали по 500 граммов нормированного сахара. Где остальные пятьсот? Торговля, полная тайн. Идет борьба за выживание. Населению не отоварена почти половина мизерной годовой нормы. Почему ни горсовет, ни руководители ОРСа не объясняют в газете причины столь уродливого явления? Будет ли погашена продуктовая задолженность? Молчание. Все в тумане необъяснимой секретности.

Население поселка сравнительно спокойно относилось к готовящемуся повышению цен. К повышению, но не к тому, что произошло вместо него: государственные цены свалились на нас лавиной, погребя под собой даже рыночные.

Мне кажется, не следует копировать экономические модели перехода к рынку Польши, Чехословакии, Венгрии. У них и масштабы не те, стартовые возможности благоприятнее наших.

В рабочем поселке Берлик есть пожилые, одинокие люди, как правило, живущие в бараках, не имеющие ни приусадебных участков, ни подсобного хозяйства. Думают ли в горсовете взять таких людей на специальный учет, об организации благотворительной столовой, изысканий необходимых для этого средств, привлечении возможных спонсоров? Если к весне экономическое положение не улучшится, и цены будут расти, эта категория людей столкнется лицом к лицу с подлинным голодом, и когда грянет гром, креститься будет поздно.

Чуйская долина, 23 января 1992 года.



В рабочем поселке Берлик есть пожилые, одинокие люди, как правило, живущие в бараках, не имеющие ни приусадебных участков, ни подсобного хозяйства. Думают ли в горсовете взять таких людей на специальный учет, об организации благотворительной столовой, изысканий необходимых для этого средств, привлечении возможных спонсоров? Если к весне экономическое положение не улучшится, и цены будут расти, эта категория людей столкнется лицом к лицу с подлинным голодом, и когда грянет гром, креститься будет поздно.

ОБ АВТОРЕ

Байкулов Тунгышбек Сейсенович в 1974 году окончил Казахский государственный университет им. С.М.Кирова, по специальности история-археология. С 1974 по 1987 год работал завучем и директором в школах им. В.И.Чанаева и им. О.Кошевого Курдайского района Жамбылской области

С 1987 по 1998 год работал в Шуском районном отделе образования инспектором, методистом, заведующим отдела районного образования и методистом кабинета, а также директором школы-интерната им. С.Шакирова

С 1998 года по настоящее время работает директором СШ им. М.Х.Дулата Шуского района. В 2000 году Шуская типография при Акиме района выпустила в свет книгу “Некоторые вопросы использования народной педагогики в учебно-воспитательном процессе”, написанную Байкуловым Т.С.

В своем труде автор делится многолетним опытом в деле воспитания учащихся, актуальностью использования народной педагогики в перспективе развития современной сельской школы. В 2002 году выпущена его вторая книга под названием “Қазақы тәрбие” в типографии “Өркениет” г. Алматы. Этот труд отображает воспитание детей, сложившиеся в соответствии с вековыми традициями казахского народа и является методическим пособием для учителей и родителей.

На Республиканской научно-практической конференции “Эффективные методы руководства по качеству знаний учащихся в сельских школах”, прошедшей 13-15 мая 2003 года, он выступил с докладом “Пути развития образования в сельской школе”, в котором поделился творческими идеями. Доклад был

напечатан в “Сборнике новаторских идей Республиканского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров”, опыт его работы распространен в Республике и пропагандирован как образец на выставке педагогов-новаторов в системе образования.

1 апреля 2005 года на Республиканском семинаре выступил с докладом “Содержание национального воспитания при переходе к 12-летнему образованию”, эта тема была продолжена на Республиканской научно-практической конференции, которая состоялась 26-28 октября 2005 года. За творческие идеи и активное участие в секции “Проблема. Поиск” был награжден Почетной грамотой Республиканского института повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров.

Тунгышбек Сейсенович является автором многих проблемных статей и публицистических заметок, которые печатались на страницах республиканских и местных газет, журналов “Жас Түркістан”, “Атамекен-ай”, “Халық тәлімі”, “Шуская долина” и т.д. Байкулов Т.С. является отличником образования Республики Казахстан, в 1979 году награжден Почетной грамотой министра просвещения Казахской Советской Республики, в 2003 году вторично награжден Почетной грамотой министра образования и науки Республики Казахстан.

Тунгышбек Сейсенович является не только отличным профессионалом, но и прекрасным отцом и дедушкой. Его успехами и достижениями гордится его семья, которая всегда является его опорой и поддержкой. Рядом с ним рука об руку по жизни шагает его супруга Ляззат Бодаевна — педагог-пенсионер.

Продолжателями педагогических идей являются старшая дочь Лейла, которая работает учителем русского языка и литературы и зять Жасулан работает заместителем директора по учебно-воспитательной

работе в СШ им. М.Ауезова Шуского района. Юридическим консультантом отцу является младшая дочь Нейла — юрист, главный специалист в Министерстве Юстиции Республики Казахстан. Источником вдохновения, зарядом бодрости для дедушки являются любимые внуки: Динара, Аружан, Магилан, которым он дарит свою любовь, теплоту, заботу и мудрость.



Содержание

Век живи — век учись.....	3
---------------------------	---

I часть

Белая ворона	6
--------------------	---

II часть

Окрыленная мечта	28
Смутное время	53
И мы встречали День Победы	55
Послесловие	57
Осторожно — обыватель!!!	57
Женщине	59

III часть

Заметки о нас с вами	62
Из окна вагона	64
Диалог	66
Что написано пером	68
Мысли вслух	71
Позиция	75
Картина с натуры	79
Об авторе	82

Т. БАЙКУЛОВ
Белая ворона

Книга сверстана в компьютерном
центре издательства "ҮШ КИЯН"

Редактор
Дизайнер

Адина ЖҮСІП
Кұралай РЫСҚАЛИЕВА
Айгүл КЕРІМЖАНОВА

Сдано в набор 10.05.2006 г.
Подписана в печать 13.05.2007 г.
Формат 84 x 108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура "Таймс".
Усл. печ. л. 5,5 Тираж 1000 экз.
Заказ № 30

3

Алматы Р. Зорге 18

Отпечатано в типографии издательства "Үш Киян"

Тел: 36-08-04, факс: 73-12-23



Т. БАЙКУЛОВ

Үш
Куян